

НИКОЛАЙ ГАЙДУК

РОМАНС
О ВЕЛИКИХ СНЕГАХ

Николай Гайдук

Романс о великих снегах (сборник)

«Гайдук Николай Викторович»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус) я44

Гайдук Н. В.

Романс о великих снегах (сборник) / Н. В. Гайдук — «Гайдук Николай Викторович», 2016

ISBN 978-5-906101-43-3

Рассказы известного сибирского писателя Николая Гайдука – о добром и светлом, о весёлом и грустном. Здесь читатель найдёт рассказы о любви и преданности, рассказы, в которых автор исследует природу жестокого современного мира, ломающего судьбу человека. А, в общем, для ценителей русского слова книга Николая Гайдука будет прекрасным подарком, исполненным в духе современной классической прозы. «Господи, даже не верится, что осталась такая красота русского языка!» – так отзываются о творчестве автора. А вот что когда-то сказал Валентин Курбатов, один из ведущих российских критиков: «Для Николая Гайдука характерна пьянящая музыка простора и слова». Или вот ещё один серьёзный отзыв: «Я перефразирую слова Германа Фейна, исследователя творчества Л. Н. Толстого: сегодня распространяется пошлое, отвратительное псевдоискусство. Произведения Николая Гайдука могут быть противоядием этому – спасением от резкого, жуткого падения...» – Лариса Коваленко, учитель русского языка и литературы. Книга адресована широкому кругу читателей, ценителей русского искромётного слова.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус) я44

ISBN 978-5-906101-43-3

© Гайдук Н. В., 2016

© Гайдук Николай Викторович, 2016

Содержание

Вершина святого	7
Тюльпаны из юности	21
Охотник с беркутом	42
Босиком по красному вину	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Гайдук

Романс о великих снегах (сборник)

© Гайдук Н.В., 2016

* * *

Вершина святого

К морю они прилетели в середине яркого, огнеопасно-жаркого июня – это был первый город, с которого хотелось начать свадебное путешествие. Жители суровой северной земли, где зима свирепствует все тринадцать месяцев – шутка! – они почти мгновенно очаровались многоцветной многоароматной экзотикой Крымского полуострова. Гостиница, куда их привела дорога, затенённая зелёными тучами и облаками из кипарисов, располагалась в бывшем особняке, едва ли не царском, – белые колонны, изящная лепнина.

В прохладном холле, где молодожёны стали заполнять гостиничные бланки, неожиданно возникло замешательство.

Молодой работник – гладко прилизанный, поджарый парень с тёмными глазами ловеласа – вдруг позабыл, чем нужно заниматься. Он даже ручку едва не выронил, приоткрывая плотоядный рот и беззастенчиво рассматривая женщину редкой, сногшибательной красоты. Потом работник спохватился, извинился и начал выполнять свои обязанности, но сбоку уже возникли три-четыре других ротозея, которые тоже напрочь забыли о своих делах: остановились, откровенно разглядывая красавицу.

Молодожёны переглянулись. Муж улыбнулся и тут же нахмурился – поднадоели такие смотрины; везде и всюду пялятся на женушку.

– А побыстрее нельзя? – поторопил он.

Человек за стойкой ещё раз извинился – ключ протянул. Они поднялись в номер. Постояли, ошалело осматриваясь.

Не избалованные комфортом, неприхотливые, они оказались не просто довольны – счастливы. И широкая эта кровать – приют влюблённых – и столик, изготовленный в виде огромной морской ракушки, и плетёные белые кресла, и макет белоснежного парусника на стене – всё изумляло и восхищало.

Муж ходил по номеру – улыбка до ушей. – Ну, как тебе тут?

– О! Шикарно! – восторгалась жена. – Даже не верится...

– А этот вид с балкона? Глянь! – Ой, прямо как в кино!

– А мебель-то, мебель какая! – Муж хохотнул, разводя жилистыми крепкими руками. –

Будем жить как графья!

Особнячок-то не рабоче-крестьянский...

– Это заметно по ценам.

– Ерунда! – Он обнял жену. – Раз живём на белом свете!

Давай баулы разбирать...

Защёлки зубастые замки на чемоданах, зашуршали пакеты одеждой и другими причиналами, необходимыми для путешествия.

– А деньги? – Глаза жены встревожились. – Деньги-то куда? Оставим тут?

– Зачем? Я деньги в плавки... – Муж показал, куда он будет прятать. – Самое надёжное местечко...

Друг над другом подтрунивая и беспричинно посмеиваясь, молодожёны, скорёхонько расположившись в номере, взяли с собою всё необходимое для купания – и вперёд.

По тропке, за многие годы натопанной миллионами человеческих ног, они спустились к морю, там и тут хватаясь за жёсткие косы вечнозелёных кустов.

В лицо пахло великой волей – как в широких безбрежных степях, где погуляла летняя гроза, в тех степях, откуда молодые люди прилетели. Ничего друг другу не говоря, они в обнимку постояли на берегу, восхищённо глядя по сторонам. Где-то в вышине горланили чайки. Солнце ярким языком облизывало каждую волну, прежде чем она достигнет берега и

разобьётся вдребезги – аквамариновые брызги превращались в мучную пыль, в белесоватый бус, переливавшийся цветами радуги...

– Здорово, да?! – Муж потянулся, пощёлкивая суставами. – А ты не хотела!

– Да я и сейчас не особо... Ты же знаешь, я воды боюсь. – Отставить разговорчики! – Он нарочито нахмурился. – Кто в доме хозяин?

– В этом доме полно хозяев. – Жена глазами показала на песчаный берег, усыпанный людьми.

– Да-а-а... – Муж посмотрел из-под руки. – У нас путешествие – это понятно, это раз в жизни бывает. А все остальные – они зачем нагрянули? Табор на таборе! Не продохнуть, не прочихнуть!

Жена улыбалась; в глазах у неё колыхались два маленьких, солнцем залитых моря.

– А может, вон туда?

– Замётано! – Он подмигнул. – Куда прикажешь, туда двинем!

С шутками и прибаутками они прошли вдоль берега, там тут переступая через «копчёные окорока» – муж опять насмешничал.

За спиной или сбоку то и дело слышалось: – Ох, ты! Смотри! Шикарная! Смотри!..

Метров на сто отдалившись от суеты общественного пляжа, молодожёны уединились за гранитными рыжими останцами, каждый из которых величиной с хорошую домину. Жена, боявшаяся воды, поплескалась на тёплом приплёске, где кружевами распускалась пена, бесследно уходящая в песок. А муж – крепко сбитый, мускулистый и отважный – раза три заплывал так далеко, что голова его, русоволосая, похожая на подсолнух, почти пропадала среди солнечных блёсток на лазурной воде.

Жена, тревожно глядя в морскую даль, приподнималась на цыпочках, а потом, как цапля, стояла почему-то на одной ноге, словно бы так у неё появлялась возможность видеть гораздо дальше.

Искупавшись, они развалились на горячей рассыпной позолоте песка. Переговаривались о чём-то, посмеиваясь.

– А говорили, что море солёное! – Муж целовал её малиновые губы. – А море сладкое. Вот люди, наврут с три короба... А ну-ка, ну-ка... Что это у нас...

– Перестань! – От смущения лицо у женщины становилось пленительно беспомощным. – Ну, что ты, в самом деле...

– Стоять! То есть, лежать! Я муж или кто? Или где?

– Ну, не здесь же...

– А почему это не здесь? Я муж везде!

– Перестань! Ну что ты разребячился? – Женщина робко отбивалась. – Я от стыда буду сгорать, а не от солнца...

Мужчина с трудом отодвинулся, разгоряченно дыша. Посмотрел в небеса, где протянулась паутинка после пролетевшего недавно самолёта – тонкий, местами разорванный серебристо-сизый инверсионный след.

– Классно, что мы прилетели сюда. Представляешь, как бы мы теперь загорали за огородами? Справа куры копошатся в куриной слепоте, слева телёнок стоит или коровье стадо притащилось на водопой. Никакой тебе культуры, понимаешь. А тут, смотри... Вот это отдых! Да?

Женщина вздохнула, поправляя купальник. – И долго мы тут будем культурно отдыхать? – До ледостава.

– А разве тут бывает ледостав?

Посмеиваясь, они, будто малые дети, строили замки на горячем песке. Муж, торопясь и припадая на колени, воду из моря в руках приносил – мокрый песок на какое-то время подчинялся вольным капризам архитекторов. Замки и дворцы получались причудливыми, вместо

окон в них сверкала разноцветная галька, ракушки; волосатые водоросли напоминали крохотные райские сады.

Неподалёку от них приводнилась крупная чёрная птица – капля воды задрожала на хищно изогнутой оконечности клюва.

– Ишь ты, какая... – Жена поморщилась.

– Баклан, – с видом знатока стал рассказывать муж. – Прожорливая тварь, но человек хитёр, он сделал из баклана хорошего добытчика.

– Это как понять?

– А вот послушай. Я ведь готовился к нашему путешествию, как прилежный студент. – Муж засмеялся. – Короче так. Есть рыбаки – только не здесь, а в Китае, в Японии – они перед выходом в море сажают в лодку несколько штук бакланов. Но не простых, дрессированных. Одевают им на шею кольца...

– Какие кольца?

– Обручальные, конечно. Что за вопрос?

– Обручальные? – Жена моргала в недоумении. – А зачем на шею?

– Слушай дальше. Дяденьку перебивать не надо. – Сстроив серьёзную физиономию, дяденька присохший песок отряхнул с живота. – Кольца на шеях бакланов не дают им проглатывать рыбу. Соображаешь? Баклана отпускают на верёвочке за борт, он начинает рыбачить. А рыбак он отличный. Мойва, селёдка, сардины, анчоус – баклан всю эту разнорыбицу хватает и глотает. А когда в мешке под горлом у него скопится штук несколько рыбёшек – баклана за верёвочку затаскивают в лодку, переворачивают вниз головой и вытряхивают. Как из корзины. Как из мордушки. Ха-ха. И догадались же, придумали, черти.

– Фу, как это... – женщина поморщилась, – неприятно. – Почему? Нормально. Ладно, пойдём, искупнёмся, а то припекает. – Мужчина встал и сделал вид, что к чему-то старательно принохивается. – Ты разве не чувствуешь? Нет?

Палёной шерстью пахнет из-под мышки, не говоря уже про всякие другие симпатичные места. Пошли, а то сгорим.

– А вот, – протянула жена, – солнцезащитный крем.

– Ну, давай. Я сейчас буду как этот, как крем-брюле.

Оба они – стройная женщина и плечистый, мускулистый мужчина – оказались такими незагорелыми, будто их обсыпали мукой или аккуратненько побелили известкой.

Люди, купавшиеся неподалёку или идущие мимо, непроизвольно оборачивались – с любопытством глазели. Но в основном глазели-то – на женщину. И глазели преимущественно только мужчины – как магнитом тянуло. Примерно так подсолнухи крутят свои головы в сторону солнца – посолонь, как говорили в старину.

Женщина эта была, как сказано выше, красоты изумительной, сногшибательной. Даже в тёплых тяжёлых «доспехах», какие приходилось зимой носить, она заметно выделялась в кругу своих подруг или знакомых – трудно глаз отвести от простого и в то же время почти иконописного лица. А уж когда она снимала шубу – сразу проступала дивная фигура, стать. А когда с неё слетало платье, как теперь на пляже, у многих мужиков от зависти ломило зубы – вот она, прекрасная мадонна, чистейшей прелести чистейший образец.

Мужу, с одной стороны, конечно, приятно обладать такою шикарною супругой. А с другой стороны – чёрт возьми! – нигде невозможно спокойно пройти. И пьются, пьются – как только шары не лопнут. Муж начинал подспудно ревновать, слепое раздражение вскипало.

– Солнце тут не любит новичков! – Он покосился на очередного ротозея с такими тугими плавками, словно туда подложили камней. – Пойдём, ещё разочек искупнёмся и в номер. А то с непривычки обгорим и облезем. И не обростём. Хо-хо.

По дороге они завернули на рынок, изумивший необъятным изобилием. Голову кружили запахи восточных разноцветных специй. С прилавка в рот готовы прыгнуть орехи в меду и в

инжирном варенье – традиционное греческое лакомство. Алыча смотрела светло-кариими глазами, персики лучезарно подмигивали, сбрызнутые водой. Тут – пахучими курганами взгромозились: кизил, курага и фундук. Там – шелковица, черешня. А дальше – арбузы, абрикосы, дыни, алыча виноград...

Русский покупатель за голову схватился.

– Всё есть у вас! – шутливо сказал торговцу. – А как насчёт сала?

– Салола? – Черноусый горбоносый торговец, не мигая, посмотрел на весельчака. – Салола нужна?

Беспечный покупатель тогда ещё не знал, что салола – это сабля с раздвоенным остриём и эфесом с прямыми крыльями. Но покупатель интуитивно почувствовал, как черноусый торговец напрягся, глаза стали серьёзными, жёсткими.

– Да нет, извините, – смутился покупатель, – нам бы только вкусную бутылочку и хорошей закуски. Вы слышите? Алё!

Горбоносый крымский татарин – или кто он? – не смотрел уже на покупателя и не слушал. Забывая дышать, горбоносый какое-то время стоял, ошарашенный, словно громом, красотой белолицей женщины. И такой ошарашенный – с глазами на выпучку – он тут оказался не один.

Муж наклонился к розовато-светлому уху жены – губами едва серёжку не прихватил.

– Нужно будет паранджу тебе купить, – еле слышно прошептал.

– Парашют? – не расслышала и удивилась жена.

– Да, да, парашют, чтоб не разбиться. – Муж засмеялся. – Ну, выбирай винцо. Какое тебе нравится?

– Мне всё равно...

– Э, нет, так не пойдёт. Что значит – «всё равно»? Или есть вино с таким названием? – Муж подхватил её под локоток. – Пошли вон туда, где блестит батарея всяких пузырей.

Бродя между торговыми рядами, он опять и опять наткнулся на разных людей, в основном бородатых, темнокожих и горбоносых, которые обалдело пялились на его жену, белолицую куколку. И это начинало раздражать всё больше и больше, потому что голова от жары загудела. «Выпью винца – полегчает!» – решил он, поспешно покидая рынок и увлекая жену за собой.

Они вернулись в номер. Там прохладненько, славно – за широким окном еле слышно стрекотал кондиционер, а небольшой, но уютный балкон оказался расположен так, что солнце не докучало. На балконе – белый полукруглый столик, белые стулья. И на этом белоснежном фоне так хорошо, картинно смотрелись помытые светло-фиолетовые гроздья винограда и тёмно-красные, до краёв наполненные бокалы.

Жена, раскрепощаясь от вина, вспомнила стихи – частенько что-нибудь читала наизусть, заставляя мужа замирать и любоваться.

Стихи Ивана Бунина в эти минуты удивительным образом перекликались с обстановкой и настроением:

В дачном кресле, ночью, на балконе...

Океана колыбельный шум...

Будь доверчив, кроток и спокоен,

Отдохни от дум.

Ветер приходящий, уходящий,

Веющий безбрежностью морской...

Есть ли тот, кто этой дачи спящей Сторожит покой?

Есть ли тот, кто должной мерой мерит

Наши знания, судьбы и года? Если сердце хочет, если верит,

Значит – да.

То, что есть в тебе, ведь существует. Вот ты дремлешь, и в глаза твои

Так любовно мягкий ветер дует –
Как же нет Любви?

– Есть! Конечно, есть! – Раскрасневшийся муж, загораясь глазами, на жилистых руках поднял жену, понёс на кровать, манящую ослепительной белизной.

– Подожди! – Она со смехом сопротивлялась. – Вся ночь впереди!

– Ничего не знаю...

– Ну, зачем, зачем ты рвёшь?

– Затем, что купим новое бельё! Чего жалеть?.. – Богатый?

– Нет, счастливый! За счастьем человек бежит, а счастье возле ног лежит! – Он опускался на четвереньки и целовал её миниатюрную ступню, похожую на ступню подростка – магазинах для обуви искать приходилось самый маленький размер, «размер дюймовочки».

И хорошо, и стыдно было женщине от этой сумасшедшей ласки, безрассудной нежности.

Потом они лежали на кровати, как на горячем белом песке, измятом страстью. Лежали слегка опустошенные и до того притихшие – один у другого мог слышать сердцебиение и раскалившиеся токи влюблённой крови. А через минуту-другую тишина отступила. За окном утробно, горячо и густо ворковал дикий голубь. Иногда с весёлым тонким щебетом проносились ласточки – стреловидная лёгкая тень стремительно залетала номер и выпархивала.

Приподнявшись на локте, муж посмотрел в открытую балконную дверь, за которой виднелся белый столик с виноградом тёмно-красной бутылкой. – Хочешь винца?

– Спасибо, не хочу.

– Напрасно. – Он поднялся, вышел на балкон и принёс два хрустальных фужера. – А знаешь ли ты, что сухое красное вино рекомендуют пить при беременности? Сухое красное или кагор.

– Правда? – Ресницы её наивно захлопали. – А вдруг алкоголик родится?

– Ну, если вёдрами хлестать, тогда, конечно. – А надо как?

– По ложке. Помалёхоньку.

– А-а! – улыбаясь, протянула женщина. – А я думала – вёдрами.

Глядя в глаза друг другу, они расхохотались. До головокружения влюблённые, увлечённые сами собой – они вот так частенько хохотали, даже слёзы по щекам размазывали. И опять он кружился по номеру, восхищаясь удивительной обстановкой, которая удивлять могла только вот таких провинциалов, как эти, – ничего необычного в номере нет. И опять он хватал жену в охапку и тащил на кровать, рыча, словно зверь, добравшийся до желанной добычи. А потом, наконец-то, уgomонились они, утомлённые многочасовым перелётом, оглушенные солнцем благодатного Юга и своей неистовой любовью.

Закат располыхался, когда они проснулись, причём такой волшебнo-фантастический закат, будто в море вылили всё красное вино, хранившееся где-то в подвалах Ливадии, в подвалах Массандры и во всех других подвалах Крыма. И ветерок, поднявшийся с берега, – вечерний бриз – приятно освежал. И симпатичная музыка струилась откуда-то из голубоватой полумглы, где находилось кафе или танцевальная площадка.

Муж подскочил так проворно, будто в номере что-то горело.

– Быстренько поднялись, быстренько умылись и оделись!

А то проспим всё царствие небесное!

– Ой, правда! – Жена потянулась. – Спать на закате вредно и даже опасно. Мудрецы говорили, что демоны и злые духи на закате собираются вокруг человека...

– Вот-вот! – Муж запутался в белой штанине и чуть не упал, похохатывая. – Надо красоту хватать за хвост. Пошли. А то приехали и развалились, как эти... Как Адам и Ева под грешной яблоней...

Жена задержалась возле овального зеркала, серебристым озерком мерцающего в берегах витиеватой рамы. Причёску поправила, лёгкое платье. Косметикой она почти не пользовалась – достаточно природной красоты.

Вечерний воздух уже взбодрился и потягивал мятной прохладцей, особенно под берегом, где изредка покрикивали чайки – иногда как будто сладострастно, а иногда так жалобно, точно камнями подбитые. Всё гуще голубела и туманилась береговая линия с гребёнками причалов, с железобетонными волноломами, похожими на рогатых чертей или на осьминогов.

Громадный белосахарный теплоход на рейде утопал в розовой дымке. Светлая фигура маяка подмигивала красно-оранжевым оком. И муж, лукаво улыбаясь, подмигнул жене, доставая из нагрудного кармана какие-то бумажки.

– Завтра пойдём на Ай-Петри! – оповестил он. – А точнее – поедем. Я урвал два билета. Последних. – Когда? – удивилась жена. – Когда ты успел?

– А ты как думаешь? Я не спал без задних ног, как некоторые. Я затихарился, побрился и пошёл...

– Ой, как здорово! – Она поцеловала его в щеку. – Ай-Петри? А это что? А это где?

Муж посмотрел на далёкие Крымские горы, уже утонувшие в тёмно-фиолетовом мареве и слегка прикрытые белооблачными одеялами.

– Название Ай-Петри имеет чисто русское происхождение. Это просто Петя. Хотя есть и другие варианты. Тётя, продающая билеты, сказала, что это название греческое. Святой Пётр. – Муж обнял её за рюмочную талию. – Не холодно?

– Да что ты! На Юге и холодно?

– Нет, ну вечерок тут... Днём припекает как на сковородке, а вечером... – Он покачал головой, глядя в ту сторону, откуда слышалась музыка. – Золото моё! А давай-ка пойдём вон туда, посидим, как бояре, винца попьем.

– Да ну, там, поди, дорого.

– А зачем нам дешево? Мы с тобой не каждый год свадебное путешествие будем совершать. – Он мягко, но настойчиво повёл жену туда, где разливался дивный саксофон вперемежку с другими музыкальными дивами. – Выпьем, потанцуем. Я тебе все ноги оттопчу.

И опять они расхохотались. И в эту минуту он увидел цветочницу – дородную бабищу, торговавшую цветами на углу фигуристого домика под кипарисами. Ему захотелось купить и подарить огромный букет обалденных каких-нибудь южных цветов – ароматных, ярких, буйных.

Они остановились около фонтана. – Погоди-ка, золотце, я сейчас приду...

* * *

Жена пропала в ту минуту, когда он отвернулся купить цветы. И день, и ночь потом он будет мучительно прокручивать «киноплёнку» – будет пытаться по минутам, по секундам восстановить прошедшее событие. Вот он пошёл беспечной франтоватой походкой – мало, что ли, мы кому должны. Вот он взял охапку цветочную раду – несколько букетов заграбастал один букетище. Дородная цветочница даже икнула от изумления, проворно пересчитывая деньги. А он, опьянённый своим куражом, заулыбался, предвкушая торжество; жёнушка станет ворчать за непомерную трату, но жёнушка будет довольна. Вот он повернулся и пошёл обратно – и не увидел жены у фонтана. Продолжая улыбаться, обошёл кругом косматого куста шумно сверкающей воды. Постоял, позвал, наивно полагая, что это просто шутка – жёнушка решила в прятки поиграть.

Сначала звал негромко, потом беспокоился, громче позвал.

А потом стал срываться на крик. Цветы, которые он машинально зажимал в руках, один за другим потихоньку падали под ноги и это – как позднее думал он – напоминало дорогу, по которой увозят покойника, напоследок посыпая путь цветами.

Птицы, потревоженные криками, стали выпархивать из темноты деревьев, где устроились на ночлег. А вслед за ними люди затревожились – народ, какой находился поблизости. Затем пришли два бравых блюстителя порядка, послушали сбивчивый рассказ, во время которого мужчина порывался идти куда-то, искать жену. Тревога в сердце у него нарастала с каждой минутой. И давление росло. Голова загудела.

Он плохо помнит, как пришёл с милиционерами в ближайшее отделение. Там попросили написать заявление, но это оказалось делом невозможным – перо всё время спотыкалось, царапало бумагу и разрывало – руки тряслись, да и не только руки. Бедняга находился точно в лихорадке, даже зубами клацал, как на морозе.

Милиционеры «сняли показания» с него и отпустили. Но куда теперь идти – он ни черта не мог понять. Растерянный, смятый и подавленный, бедняга поплёлся куда-то по темной аллее. Вернулся к фонтану. Походил кругами, наступая на свои цветы, недавно купленные – граммофоны всякие, белоснеженки, гортензии, лилейники и прочее. Цветы хрустели под ногами и точно всхлипывали. Он вспомнил про цветочницу и хотел её спросить – может она что-то видела. Но цветочница ушла – пустой деревянный лоток тускло отсвечивал под фонарём. Он долго, настырно плутал по кустам, кружился между деревьями, бродил по тёмным переулкам и подворотням, где пахло фруктами...

Кольцо замкнулось, когда опять он оказался около милиции – случайно вышел к самому крыльцу. Обсасывая палец, ободранный в кустах, он постоял на каменном крыльце, вошёл коридор. Послушал приглушённый разговор за стенкой. Возмущённый спокойствием этих бравых ребят – сидели, курили, анекдоты травили – он стал заводится.

– Граждане! – Желваки заплясали на скулах, глаза засверкали. – Давайте что-то делать! Сколько вы будете козла забивать? У вас этих козлов уже – не меряно!

Блюстители закона оглянулись на голос.

– За козла ответить можно! – полушутя, полусерьёзно пригрозил старшина, поднимаясь. – Вы что предлагаете?

– Как это – что? Искать! – отчаянно выдохнул он. – Надо искать!

– Где искать? – Старшина, криворото зевая, потыкал прокуренным пальцем в сторону окна, забранного решеткой. – Такая темень. Теперь уж до утра, а там посмотрим.

– До утра?! – Он сорвался на крик. – Да вы что? Оху...

– Попрошу не выражаться, гражданин!

– Я не выражаюсь. Я говорю, что надо... – Он двумя руками сдвигал свои взлохмаченные потные виски. – О, господи! Ну, что мы? И просидим вот так вот до утра?

– А что ты предлагаешь? – снова спросил старшина, уже налегая на «ты».

– Не знаю. Ну, давайте хоть по городу проедем, посмотрим там и тут...

Откуда-то сбоку появился франтоватый офицер, блестящий хромочами.

– Хватит! – громко и резко одёрнул. – Надо было раньше мозгами шевелить! Бабу из-под носа увели...

Бледнея и набычившись, он с кулаками пошёл на офицера и наверняка заработал бы срок, но сзади два дюжих парня навалились, уgomонили кое-как, утихомирили.

– Не дури! – загудел под ухом старшина. – Вот, возьми, покури и шагай подобру-поздорову, иначе нарвёшься...

– Да куда теперь его? – заговорили сзади. – Не надо отпускать. Он же дурной. Видать, перегрелся.

– Ну и что с ним делать? На божничку? – Доктора позвать. Пускай укол ширнёт.

И опять вмешался непреклонный бравый офицер.

– Вам тут что? Больница? Выводите к чёрту. Пусть проветрится, а то ещё исполнит Риголетту по всему кабинету.

– Он, видать, не курит, ишь, как заколдобило с первой папироски.

– Выводи, я сказал! Хватит миндальничать, торговать миндалём. Не на базаре.

В лицо ударило морской прохладой, словно мокрой тряпкой, – милиционеры вывели под руки. Понуро, тупо, точно изваяние из камня, он посидел на холодном парапете недалеко от милиции. На звёзды посмотрел, на горы, слегка подсеребрённые луной. И, обхвативши голову двумя руками, заплакал так, будто тихонько завыл, мокрыми глазами глядя на ущербную луну. Потом кто-то взял его под руки и повёл – обратно в отделение. Запахло больницей. Его разули, уложили на кушетку, укрытую клеёнкой, похожей на прохладную змеиную кожу.

Седой старичок перед ним замычал, засверкала тонкая длинная игла – и под сердцем отчего-то стало жарко, мягко и приятно. Мир покачнулся и поплыл, как белый большой пароход, на котором они совсем недавно плавали с женой – делали прогулку к Золотым воротам. Или не плавали они, а только собирались? Ну, не важно, это пустяки. Важно то, что они снова вместе – на белосахарном огромном теплоходе. Только почему-то теплоход плыл не по морю – по белопенным облакам, расплескавшимся посреди поднебесной лазури. И никого на пароходе, ни души – только они, счастливые молодожёны.

Утром бедолаге стало полегче, получше.

– Мы обзвонили все морги и все больницы. – Дежурный зевнул. – Нигде её нет. Идите в гостиницу. Может, она там давно дожидается.

Вздвогнув, он подумал: «Господи! Как это я сам не догадался?»

Он сначала пошёл, а потом побежал по утренним улицам, сиротливо-пустынным и зябким. На камнях подрагивали россыпи росы – он раза два поскользнулся, едва не упал. В сонных чинарах дрозды копошились, неприятно покрикивали, напоминая воронов. На пути оказалась ограда – железные прутья. Не раздумывая, он сиганул через ограду – так покороче.

Сердце грохотало под рубахой, когда оказался на пороге гостиницы. Не дожидаясь лифта, отмахал три или четыре лестничных пролёта – побежал по коридору, спотыкаясь.

– Золотце! – Сначала он тихо постучал, потом затарабанил в дверь. – Это я! Открой!

Никто не откликнулся из-за двери. Зато кто-то сзади голос подал.

– Уже с утра? – угрюмо уточнила горничная. – Или со вчерашнего?

– Чего? – Он оглянулся. – Помогите открыть! Там жена!

– Вы тут проживаете? А где же ключ?

И тогда только он вспомнил – ключ в кармане.

Номер был пустой, прохладный. Все предметы и вещи находились на прежних местах, там, где оставлены вчера на закате. И в то же время номер был несколько другой – отчуждённый. Тут ещё пахло её духами, на краю бокала виднелся отпечаток её губ – словно лепесток засохшей розы. Широкая кровать ещё хранила запах её тела. На подушке темнела паутинка её волоса, слегка закрученного. Он посидел, тоскливо глядя на волосок, медленно склонился, упал лицом в подушку, как в сугроб, и мучительно замычал, заскрежетал зубами. И в груди у него стало так жарко, так больно, что он вдруг ясно и отчётливо понял – этого не пережить.

Он ушёл на балкон с белой мебелью. Бутылка недопитого вина торчала посреди стола. Муха ползала кругами возле горлышка, возле пробки.

Вяло опустившись на белый пластмассовый стул, он пододвинул бутылку к себе. Глотнул из горлышка – две-три капли попали на белую, за ночь изрядно помятую рубаху. Страхивая кровавые капли, он обнаружил билеты в нагрудном кармане.

– Ай-Петри? – пробормотал он и отчего-то болезненно оживился, торопливо посмотрел на часы. – А если она там? А я тут прохлаждаюсь...

Торопливыми глотками он допил вино и выронил бутылку – осколки блестящими брызгами разлетелись по каменному полу прохладного балкона. Постояв и подумав, что там, на Ай-Петри, он обязательно встретит жену, бедняга заспешил переодеться чистую рубаху – открытый чемодан остался на полу. Уже возле двери он вспомнил, что говорила тётя, у которой покупал билеты на экскурсию: собираясь на гору, надо взять с собою тёплую одежду – на вершине зябко. Вернувшись, он порылся чемодане – взял жене и себе кое-что из тёплого.

Это был его первый подъём на Ай-Петри, первый, но далеко не последний. В кабинке фуникулера поднимаясь по канатной дороге, он жадно смотрел и смотрел по сторонам – будто из кабины самолёта. Глаза его, болезненно блестящие, что-то лихорадочно искали между деревьями, рыскали между камнями. Выйдя из кабинки, прижимая к сердцу тёплый женский свитер, он долго бродил по вершине – искал, иногда вскарабкиваясь на такую кручу, где можно голову свернуть.

Экскурсия давно уехала, канатная дорога остановилась.

А он всё бродил по вершине, блуждал в камнях, в кустах, деревьях. Потом стоял, смотрел закатное пожарище и в памяти звучали слова жены: спать на закате вредно и опасно, потому что в это время злые духи и демоны собираются вокруг человека. Неужели правда? Тоскливо и потеряно глядел он на горы, утопающие во мгле, на море, горевшее закатным солнцем, как большая, жгучая, кровавая слеза. Когда стемнело, камни тоже стали плакать – сыростью покрылись. Раза три оскользнувшись, он понял, что теперь идти куда-то рискованно – можно разбиться. Однако вскоре вышла яркая луна – серебряными пальцами показала тропинку, выющуюся вдоль ручья, днём почти не слышного, а теперь во весь голос гремящего в тёмном ущелье. Шагая по лунной тропе, точно присыпанной первым снежком, он увидел кавказский дольмен – большой валун с круглым отверстием.

Перед тем, как отправиться в свадебное путешествие, он кое-что прочитал про эти загадочные дольмены, которые построены будто бы великанами, жившими тут в период ранней и средней бронзы в далёкие-предалёкие тысячелетия до нашей эры. А теперь в дольменах поселилось много всякой жути, тайны мистики. И он бы ни за что не согласился туда залезть, но свет луны пропал за облаками и тучами. Бабахнул гром, раскатывая звонкие орехи по ущельям; сильный дождь припустил, и пришлось закарabкаться в небольшое, но сухое дупло дольмена. Дождь колотил своими колотушками по каменной крыше, по кустам, по деревьям, стоящим поодаль. И вдруг в пустом дупле дольмена послышался еле уловимый шелест, похожий на шелест сухого листа. Сердце его заволокло забило, но через минуту он робко улыбнулся; горная овсянка или трясогузка – или какая-то другая птица – нашла себе пристанище в дольмене.

Не желая вылетать под дождь, птичка опустилась где-то рядом плаксиво пискнула.

– Не бойся, – прошептал он, ощущая под горлом горячий комок, – не обижу.

Укрывшись тёплым свитером жены – пушистым, нежным – он хотел заснуть под мерный шум дождя, но мистика и тайна кавказского дольмена оказалась не простым досужим вымыслом. Едва-едва задрёмывая, он вздрагивал от того, что слышал: «Горько! Горько!» Это кричали весёлые люди, сидящие за огромным свадебным столом. Затем он отчётливо видел перед собой всякие подарки, наваленные горой. Видел, как деньги по воздуху плыли со всех сторон – деньги за выкуп невесты, деньги «на блины» и просто так, в конвертах. Затем он видел, как они с женою рано утром сидели, считали денежки и радовались. Хороший капитал образовался. И что с ними делать? Можно в дом чего-нибудь купить. Можно даже легковушку, пускай не новую, а слегка побегавшую. Да много чего можно себе позволить с таким капиталом.

– Для того, чтобы ноги приделать деньгам – головы не надо! – говорил он, посмеиваясь. – Ну, так что будем делать с этим богатством?

Подумали, подумали молодожёны, лёгкие на подъём, и решили сами себе подарить свадебное путешествие «по морям-океанам».

– Дети! Да вы что? Бог с вами! – зароптали родичи со стороны невесты. – На одну дорогу ухлопаете, бог знает, сколько!

– А чего? И правильно! – одобрили со стороны жениха. – Если не теперь, то когда? Пойдут ребятишки, хозяйство – некогда будет на солнышко глянуть, не говоря про то, чтоб загорать.

И собрались они, и поехали, а точнее – самолётом полетели.

Несколько часов под облаками и вот оно – «самое синее в мире *чёрное горе моё*». Именно эти слова крутились теперь в голове у него, как бедная белка в своём колесе крутится и крутится до умопомрачения.

* * *

Большая любовь потому и большая, что ростом она выше рассудка и никогда не опустится до копеечной выгоды – здесь беда, и выручка истинной любви. Только то, что с ним происходило – это было слишком высоко по чувствам, по эмоциям, это было заоблачно, недосягаемо для обыкновенного земного разумения. Достаточно сказать только о том, что номер в гостинице теперь для него превратился в музейную комнату. Все предметы и вещи, к которым жена прикасалась – шпилька, брошки, бигуди – всё по-прежнему в целости, в неприкосновенности. Он даже горничную предупредил, чтобы не делала уборку. Бессонными ночами, слоняясь под луной по кромке моря, он каждое утро возвращался в этот «музей», какое-то время неподвижно стоял посредине, влюблёнными глазами целовал всё, что ей когда-то принадлежало, всё, что дышало ею, мечтало бредило. Потом его глаза мрачнели до какой-то погребальной черноты. Он выходил на балкон. Белоснежная мебель: два стула, столик – наполнены были такою странной стыlostью, будто внезапная вьюга сугробы накидала на балкон. И память его поневоле бежала в просторы сибирских снегов – самых первых, серебросветлых, ещё нигде не вышитых крестиками нежных птичьих лапок, ещё не запятнанных следами степного зайца или хитромудрой кумушки лисы. Там, среди серебряного света, среди простых амбаров, тёмных изб, судьба ему однажды подарила изумительную встречу – первую любовь. А первая любовь, она всегда была и есть любовь последняя; всё, что придёт по выбитому следу – обман и подделка.

С такими мыслями, с такими чувствами он покидал свой дорогой «музей», причём настолько дорогой, что вскоре обнаружилось: деньги на исходе. А вслед за тем пришёл тот день, когда платить за номер стало нечем.

Темногровый, гладко-сытый администратор в недоумении посмотрел на постояльца:

– Вы там не живёте, насколько я понял. Так зачем же вы номер снимаете?

– Там жена, – странно улыбаясь, ответил постоялец.

– Жена? Что – жена?

– Она там живет.

Администратор кое-куда позвонил, что-то спросил и после этого постояльца вежливо попросили покинуть номер или оплатить.

– А если в долг? – пролепетал он. – Что значит – в долг?

– Ну, значит, заработаю – отдам.

– Вы что? Смеётесь?

– Да, – подтвердил он, – мне теперь самое время смеяться... до слёз... Ну, так что мы решим? Может, всё-таки договоримся? – Нет! – Администратор погладил тёмную гриву, потрогал холёное сало бритого двойного подбородка. – Идите, не стойте.

Иначе у вас могут быть неприятности.

– У меня? – Он изумился и хохотнул. – Да какие это неприятности у меня могут быть? Вот интересно, вот хотел бы узнать, чем этот поганый мир может меня ещё удивить? Админи-

стратор, человек серьёзный, не привыкший словами сорить, вызвал милицию. Приехали знакомые «ребята». Они узнали бедного молодожёна, правда, узнали с большим трудом.

Бедняга успел за это время обрасти бородой, поизносился, поизорвался на вершине Святого Петра, куда он теперь частенько зачем-то ходил.

Старший из милиционеров что-то шепнул администратору на ухо, и тот, сняв очки, внимательно и даже сочувственно посмотрел на бывшего постояльца – посмотрел, вздохнул и отвернулся. Старший из милиционеров крепко взял беднягу под руку, потихоньку вывел на крыльцо и посоветовал ехать домой.

– Если что-то прояснится – ваш адрес нам известен. Поезжайте от греха подальше. А то ведь заберут, посадят за бродяжничество. Это ладно – мы вас знаем. – Милиционер покосился по сторонам. – А если приедут парни из другого отделения? Понимаете, да? Договорились?

– Нет. Мы вдвоём приехали сюда и вдвоём уедем. – С кем вдвоём?

– С женой.

– Опять двадцать пять! – Милиционер закурил. – Ну, дело ваше. Я предупредил.

– А папироску можно? – попросил он каким-то пресмыкающимся голосом, которым никогда ещё не разговаривал.

Милиционер, дав прикурить, снова посоветовал: – Поезжайте домой.

– А на какие шиши? – Он усмехнулся. – Были да сплыли...

– Ну, вот видите! Денег у вас нет. Где теперь жить? Чем питаться? Вы об этом подумали?

– Я всё равно буду ждать, – глухо сказал он, – буду ждать.

– У моря погоды? – Милиционер поправил фуражку. – Не дождётесь. Скоро придут осенние шторма. – Будем зимогорить.

– Послушайте, – внезапно предложил милиционер, – давайте я куплю билет? Вам далеко? Вы где живёте?

– Да там, на вершине святого...

– Нет, ну, я же вам серьёзно предлагаю.

Жадно и как-то остервенело высмолив папиросу, он пошёл по узкой затенённой улочке, где они когда-то шли вместе с женой – весёлые, влюблённые, довольные друг другом жизнью вообще. «Как же теперь без неё? – колотилось у него в мозгу, слегка одуревшем от никотина. – Как теперь?..»

Целый день он понуро слонялся у моря – в том месте, где они купались, загорали. Смотрел и смотрел на фигуры бронзовых девчат и женщин – и ничего похожего не находил. Только чёрный баклан, приводнившийся неподалёку, напоминал того баклана, которого они в первый день увидели. Эти чёрные бакланы звались тут морскими воронами, а ворон, как говорится, он и в Африке ворон – предвестник горя. Стало быть, ворон-баклан не случайно перед ними возник в самый первый час их пребывания на море? Так он думал, сам себя терзая воспоминаниями и предположениями.

Ближе к вечеру он пошёл туда, куда теперь частенько хаживал по темноте – к фонтану, возле которого оставил жену, чтобы вдруг потерять. Фонтан большим серебряным букетом тянулся к небу – лепестки лепетали, что-то шептали ему, словно хотели что-то подсказать или рассказать. Он стоял, зажмурившись – крупные морщины продавлились над переносицей – слушал слушал фонтан. Потом, спохватившись, доставал из-за пазухи фотографию, изрядно помятую, подходил то к одному, то к другому курортнику.

– Посмотрите, пожалуйста, – просил умоляющим голосом, – вы случайно не видели?

– Красивая, – говорили ему. – Нет, не видел. Нет. Такую краля я непременно запомнил бы.

– А вы, простите...

– Ты уже спрашивал! – с неприязнью одёрнул какой-то верзила. – Прилип, как банный лист...

– Не тронь его, – шепнула женщина, идущая под руку с верзилой. – Ты что, не понял? Он же того...

* * *

Календарное лето закончилось и где-то там, в далёкой, далёкой стороне – за горами, реками и озёрами – первый оловянный утренник прижигал траву; лужи ледком одевались; деревья, объятые прохладными пожарами, широкошумно уронили всю листву. А здесь ещё тепло и даже лучше, чем летом – жара отвалилась от Юга.

– Влажность упала, дышать стало легче, – однажды он услышал от курортников.

– Легче дышать? – Он удивился, потирая ладонью под сердцем. – Вы что, издеваетесь?

Два чистых, аккуратно выбритых курортника покосились на него с недоумением – видок у него был подозрительный.

Милиция молчала всё это время – никаких известий по поводу пропажи нет. Каждое утро он ходил туда, как на работу, торчал на каменном крыльце, курил – знакомые милиционеры угощали его, ещё совсем недавно не курящего. Так продолжалось до той поры, покуда к нему не приблизился малоприветливый, угрюмый офицер, похожий на гусара.

– Послушай, Петря! Или как там тебя?.. – заговорил он твёрдо, жёстко. – Ты больше в таком виде тут не появляйся! Понял?

Петря – так теперь его звали многие – пожал плечами.

– В каком таком виде?

– А ты считаешь – это нормально? – Офицер, кривя ухмылку, посмотрел на его пожеванную грязную рубаху. – Это парадная форма?

– Ничего, – сказал Петря, – жена стирает.

Офицер покачал головой. Фуражку на брови надвинул. – Можно только позавидовать твоей наивности.

– А что такое?

Офицер глазами скользнул по туманной окрестности.

– Горы... Море... Где кого тут найдёшь? Мёртвая была бы, так нашли. Мы же кругом все давно обшарили.

– Живая значит! – Он улыбнулся. – Это хорошо!

– Тьфу! – Офицер сердито сплюнул и повторил: – Хватит здесь маячить. К нам приезжает начальство, а ты... Торчишь тут, как пугало в почётном карауле.

Возле милиции Петря больше не появлялся, побаивался.

Лишь иногда, встречая знакомого сержанта или старшину, идущих на службу, он потихоньку спрашивал – нет ли каких новостей. Ничего утешительного сказать ему не могли – разводили руками.

И опять он уходил к фонтану, возле которого всего лишь на минуту оставил жену. «Говорят, что преступника тянет на место преступления, – вспомнил Петря. – Выходит, я преступник?»

Да? А ведь если разобраться, то и в самом деле. Кто самый виноватый во всей этой истории?.. Вот то-то и оно!..»

Он даже ночевать приновился недалеко от фонтана. Сам не понимая, зачем он здесь торчит – он всё как будто что-то, кого-то караулил, то и дело вскидывая голову при малом шорохе или треске в тёмных кипарисах и платанах.

Однажды на рассвете Петря неожиданно услышал неподалёку:

– Это курортный город или что? Какая-то берлога под кустами! Спит, за юрту ходит...

– Кто? Где? – Да вот здесь.

– А ну-ка, дай поганую метлу!

Петря всполошился и на четвереньках, чтобы не видели, быстро покинул свою берлогу.

Около фонтана он больше не ночевал, да и нельзя уже заночевать: под конец октября небеса разодрало молниями, пошли косые длинноногие дожди. Море всё чаще бесилось штормами – будто чёрная громадная шуба наизнанку выворачивалась. Ночами зябкий ветер длинными иголками протыкал кусты, обжигал лицо и норовил за пазуху забраться.

«Надо в горы шуровать, в дольмены!» – с грустью думал Петря, слоняясь у холодного причала, где с пушечным грохотом разбивалась волна за волной – солоноватый бисер кружился в воздухе, оседал на губы, на глаза.

Уходя из города, облитого рыданием грозы, он снова оказался на узкой, кривоватой улице, по которой они с женой когда-то шли в обнимку, прикупив на рынке красного вина и фруктов. Медленно шагая по дороге, точно растягивая удовольствие, Петря внезапно обопнулся почти посередине. Глядя под ноги, постоял, о чём-то глубоко задумавшись. Робко улыбнулся. Поначалу опустившись на корточки, он затем на колени припал.

– Ага! – пробормотал. – Это здесь!

Улыбка на губах у Петри зацвела – широкая, блаженная. Он увидел на дороге след жены; хотя это была обыкновенная канавка, древними повозками выбитая в камне. Канавка, наполненная дождевою водою и утренним солнцем, сияла, будто налитая золотом, ещё не остывшим. И никаких сомнений у Петри не оставалось: он видит золотой, родной до боли отпечаток ступни – именно тут ступала его любимая и ненаглядная.

А за спиною тем временем настойчиво сигналила машина, затем заревела вторая и третья – он перекрыл движение на улице. Кто-то нервный, горбоносый в тюбетейке, гортанно крича на тарабарском наречии, подскочил к нему и оттащил дороги. И Петря, только что блаженно улыбающийся, вдруг неприятно окрысился и с кулаками пошёл на горбоносого, который своим башмаком наступил на золотой отпечаток.

Горбоносый в тюбетейке размахнулся – и Петрю будто ветром дороги сдуло. Он упал на какие-то колючие кусты и ощутил во рту горячий привкус меди. Крупные тёмно-вишнёвые капли рваной строчкой прострочили по грязной, некогда белой рубахе – попали на грязную руку.

Удивительно, что Петря не обиделся, нисколько не обиделся на того, кто ударил. Более того, Петря даже обрадовался, когда увидел на своей руке тёплые капли крови, похожие на капли вина, пробуждавшие в нём что-то забытое, милое и дорогое.

Забираясь в туманные горы – неторопливо, долго и упорно – Петря становился всё оживленней, всё веселей. Иногда на пути попадалось нечто похожее на каменную бабу. Останавливаясь дух перевести, он отстранённо улыбался, ладошкой гладил каменные груди и живот, и приговаривал:

– При беременности можно пить сухое красное вино или кагор. Только не вёдрами, хехе. А то дорвёшься, милая, на дармовщинку...

Тучи собирались над горами и уже вдалеке погромыхивало. Белобрюхие стрижи мелькали в предвечернем воздухе; красивые кроткие кеклики подавали голоса откуда-то из-за камней, точно подзывали человека. Сумеречный воздух в вышине прокалывали иглы искрящихся звёзд.

Вечер, наполненный сыростью и запахом горной лаванды, застал его на самом острiente вершины Святого Петра. Бородатый, сутулый, он понуро сидел на прохладных камнях, смолил помятый, жалкий, надломленный окуроч, не мигая, смотрел на закат и вздыхал, ощущая себя каким-то очень древним, пещерным стариком.

* * *

Тридцать лет прошло с тех пор. Он никуда ни разу не уехал. Иногда отшельничал в горах, а порою скрывался в заброшенных стародавних строениях возле моря. Понемногу начал заговариваться и всё больше, больше веселел – беспричинная улыбка то и дело тянулась от уха до уха. Зимой куда-то пропадал, где-то зимогорил, пережидая штормовые свистопляски и хотя не сильные, но всё-таки морозы, какие могут быть в этих местах. А как только чуток пригревало, он опять появлялся – бородатый, помятый, улыбчивый. Время не то, чтобы вылечило – время избавило его от бесконечных поисков чего-то дорогого, несказанного. Теперь он просто жил и не тужил, почти не имея понятия, что происходит в городе, в стране. Ялта, некогда очень любимая, преобразилась до неузнаваемости – он как будто переехал в другой город, где по вечерам и даже днём царило грешное веселье. Рестораны, казино там и тут сверкали яркими огнями. Продажные смазливые девчата в коротких юбочках стояли на каждом углу, куда время от времени подруливали богатые элегантные легковушки – кабриолеты с открытым верхом, Роллс-ройсы, Мерседесы. Не понимая, даже не догадываясь, куда уезжают машины с красотками, он качал головою: такие молодые, а пешком ходить не любят...

А сам-то он любил ходить пешком. Этого странника частенько можно было повстречать на пути к монастырям или церквям. Размеренно постукивая посохом, нередко ходил он к Байдарским воротам, недалеко от которых красовалась церковь Воскресения Христова. Иногда предпринимал поход в Ливадию, где находилась Дворцовая церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, возведённая ещё при Александре Первом. Но больше всего полюбился ему храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде. Здесь когда-то в молодости он был вместе с женой, но это счастье приключилось так давно, что он забыл, и только память сердца что-то смутно подсказывала. Он уже плохо помнил, а может, и вовсе не помнил, когда и зачем появился в этих чудесных краях. Ему казалось, он тут вечно был и вечно будет ходить-бродить по древним извилистым дорогам, улыбаясь морю, горам и небесам.

Тюльпаны из юности

Мать любила и умела выращивать бархатные красные тюльпаны – словно детишек розовощёких вынянчивала в теплицах. За окнами, бывало, ещё морозец ходит, хрустит по снеговью, а под стеклянным небосводом небольшой теплички весенний дух клубится, голубоватым паром оседает на прозрачных стенках, слезинами стекает по выгнутым бокам.

Красота в тепличке, благодать. Красные тюльпаны крепчают день за днём, раскрывают жёлто-огненные клювы, расправляют золотисто-розовые крылышки – готовятся лететь во все концы патриархального городка. Целыми стаями разлетались они перед праздником 8 марта или 9 мая. И на день рождения кому-нибудь, на свадьбу. Разлетались, опускались по хрустальным гнёздам глубоких ваз или в простые полулитровые банки – глаза и душу радовали. Красные тюльпаны хорошо кормили семью Визигиных – батя за полгода не заколачивал столько, сколько мамка на цветах выручала в преддверии праздника. И поэтому в семье переполохнулись, когда тюльпаны стали куда-то пропадать из теплицы. Сначала грешили на посторонних людей, занимающихся разбойным промыслом, но вскоре оказалось, что в разбойники сынок записался.

– Шурка! – Отец хмуробровился. – Ты, однако, башку потерял? Где теперь будешь пилотку носить?

– Как потерял, так и найду, – отбрыкивался парень. – Чо вам, жалко?

Башку он потерял перед отправкой в армию: красные тюльпаны охапками таскал любимой девушке. Красные тюльпаны их пьянили, заставляя забывать самих себя и отдаваться огнедышащей любви.

– Жди меня и я вернусь, только очень жди, – горячо шептал он в ушко с металлической недорогой серьгой.

– Дождусь, – обещала девушка, – не в рекруты идёшь. – Ясен пень! – беззаботно отвечал призывник, приподнимая фуражку, под которой после бритвы сияла забубённая головушка.

Беззаботное веселье новобранца скоро улетучилось, а бритоголовое сияние померкло под железной каской, снимать которую иногда не разрешалось даже после отбоя – была такая прихоть, а проще сказать, издевательство со стороны «безбородых дедов», старослужащих. Через полгода после «учебки» суровом учебном полку – с мая по сентябрь – Шура Визигин стал младшим сержантом, командиром отделения ВДВ.

Вот так он попал в мясорубку афганской войны, куда в те годы оказались втянуты советские войска. Визигин в ту пору был страшно далёк от политики и долго не мог раскумекать причины присутствия частей 40-ой советской армии на чужой территории. Но замполит потихонечку вправил мозги.

Начиная с 19 века, говорил замполит, между Российской и Британской империями ведётся борьба за контроль над Афганистаном. Эту борьбу называют «Большая игра».

Советское правительство, говорил замполит, не само по себе принимало решение о вводе войск в Афганистан. Из Кабула Москву неоднократно звонили и слали депеши – просили вмешаться. А, кроме того, говорил замполит, Афганистан граничит с Пакистаном, который принимает американскую помощь – деньги, оружие, военных специалистов.

Американцы находятся уже в опасной близости от советских границ. Вот почему нам нужен Афганистан. Как прослойка или буферная зона.

Примерно так звучали пламенные речи замполита, огнём патриотизма зажигая юные сердца. Воспитанные в духе молодогвардейцев и отлично знающие «Как закалялась сталь», многие советские солдаты свято верили в правоту своего присутствия в Афганистане. Хотя, конечно, были и те, кто сомневался – нужно ли соваться нам в дела чужой страны? Были даже и пофигисты, те, которым всё по фигу, кто служил, спусть рукава, и позволял себе задрыхнуть на

посту. Но таких нерадивых сама война воспитывала: моджахеды по ночам шакалили, сонных солдатиков резали, а кого-то забирали в плен. И постепенно оттуда – из афганского плена – стали слухи доходить о жутких казнях, среди которых особой жестокостью отличался так называемый «красный тюльпан», ещё глубокой древности придуманный евреями и впоследствии букетами разросшийся на афганских полях сражений.

Мелких боёв и стычек с моджахедами было – не сосчитать. Но такими большими боями, как тот, за высоту, немногие могут похвастать.

Гранитная, солнцем прокалённая вершина была стратегически важной: пулемёты советских солдат с той высоты держали под прицелом широкую долину, по которой на Кабул часто шли «КАМАЗы», навьюченные боеприпасами и продовольствием. Душманам эта высота была очень нужна, и потому совсем не удивительно, что они пошли на захват, не жалея ни сил, ни патронов. Удивительно было другое. В десяти километрах находилась чертова уйма советской брони, но никто почему-то не выдвинулся на помощь. И ни одна вертушка для огневой поддержки не взлетела. Более того, 10-я рота в течение нескольких часов вызывала огонь на себя, и такие вызовы в то время были в порядке вещей. Десантура, окружённая душманами, нередко вызывала огонь на себя, и отцы-командиры никогда не скупились, не жалели снарядов. А тут – как будто уши законопатили. Несколько часов подряд – молчание, молчание, молчание. И одновременно с этим – плотный, сокрушительный огонь моджахедов. Небывалый огонь из таких пулемётов, которые башню танку сворачивают после троекратного попадания. Но дело даже не в пулемётах, хотя они собачили в упор. Необычность обстрела заключалась в том, что он вёлся бесперебойно. Визигин, уже побывавший во многих переделках, никогда такой атаки не встречал. Обычно атаки происходили по принципу прилива и отлива. А тут – сплошной прилив свинца, дикая долбёжка без перекура, без передыху.

Не странно ли всё это? Странно.

И не похоже ли всё это на предательство? Похоже.

Моджахедов, идущих на приступ высоты, оказалось раза три или в четыре больше. И с таким нахрапом они атаковали, как будто знали, что в этот день и в этот час тяжёлой советской техники опасаться не надо – её не будет. И плотность огня том бою оказалась такой чудовищной – пуля в пулю врезалась во время перекрёстной перестрелки; Визигину запомнилось такое перекрестье, упавшее под сапоги – пуля, вонзённая пулю.

Многих покрошило в том бою, а кого-то сильно покалечило.

И последняя надежда на подмогу стала умирать. Можно было отойти – отдать высоту. Что говорить об этом гранитном разнесчастном пятачке, если даже Кутузов когда-то Москву отдавал врагам на растерзание. Да, конечно, можно было отойти. Но 10-я рота, как, впрочем, и другие десантники, никогда не отступали без приказа, даже если им грозил полный разгром.

Это было неписаным правилом, это было законом их чести.

И вот когда последние бойцы оказались в тугом окружении, Визигин, наслышанный о зверствах афганского плена, истекая кровью, достал гранату, хотел себя взорвать, но выдернуть чеку зубами уже не смог. Потерял он сознание как раз в ту минуту, когда над ним склонилось бородатое мурло моджахеда.

В плену Визигин оказался не один – ещё было трое солдат и офицер. Всем предложили принять ислам. И все они отказались. И тогда их стали казнить по одному. Первым был Арсений Чистяков, пулемётчик. Его накачали каким-то наркотиком, доводящим до полной бесчувственности, а потом... на глазах у пленников стала разворачиваться жуткая картина с лирическим названием «красный тюльпан» – средневековая, сердце леденящая казнь, во время которой с живого человека сдирают кожу и он сходит с ума от болевого шока после того, как действие наркотика закончится.

Офицер и два солдата побелели и отвернулись, чтобы не видеть кошмара. И только Шура Визигин смотрел, поражая своим хладнокровием.

Почти никто в полку не знал, что взводный Шура до Афганистана был студентом медицинского училища, которое он позднее бросил. Во время учёбы дерзкий характер Визигина сразу выдвинул его в ряды «блестящих патологоанатомов», так шутили на курсе. Многие парни и девушки носы воротили, когда нужно было в морг идти на вскрытие. А Шура спокойненько шёл и вскрывал, деловито рассматривал почки и печень, лёгкие, сердце, мозги.

Вот почему он не дрогнул, глядя на «красный тюльпан», хотя такое варварство наблюдал впервые.

И то, что он не дрогнул ни единым мускулом, не осталось не замеченным со стороны афганцев. И тогда один из них, громадный бородач, по-своему что-то гыргыря, подошёл к Визигину и в спину вытолкал – отдельно от других обречённых. С минуту Шура постоял, понуро глядя в землю, а затем вернулся к однополчанам. И вдруг офицер наклонился к нему и сказал:

– А ты останься и отомсти!

Потом, когда прошло немало лет, Визигин так и не смог себе ответить на вопрос: был ли это приказ, который не обсуждают, или это был простой предлог для спасения Шуры?

После принятия ислама он стал Абдурахман, что означало «раб господина» или что-то наподобие того. Не сказать, чтобы принятие ислама с его стороны было жертвою, нет. Он ведь не был христианином, просто жил в православной стране, которая считалась таковою только в пределах церкви, отделённой, как известно, от государства – атеизм торжествовал советской жизни. С таким же успехом Визигин мог бы принять католичество, иудаизм, индуизм, буддизм, конфуцианство или что-то ещё в том же духе. Господь Бог у нас один как был, так и остался, Господь Бог – это Жизнь. Вот этому Богу солдат поклонялся до самой земли – когда приходилось под пулями бегать. И этому Богу он поклонялся, будучи в плену. Именно этот всемогущий Бог помогал ему претерпевать все тяготы и унижения афганского рабства.

Новоиспечённый Абдурахман какое-то время исправно ишачил на горных тропах, ящики с боеприпасами таскал, тюки с провиантом. Но это ещё полбеды. Беда, когда тебя, раба, заставляли топтать впереди отряда моджахедов – чтобы самим не нарваться на мины. Вот где ни раз, ни два Шура вспомнил русскую пословицу: жизнь прожить – не поле перейти.

И получалось так, что он уже прожил много-много жизней – за спиною остались десятки полей, на которых его могло бы клочья разнести. Но всегда, всегда его спасал Бог по имени Жизнь – неизменно указывал путь, на котором отсутствуют мины.

В конце 80-х война закончилась. В середине февраля над перевалами вдруг запыхали красные знамёна. Шура издали смотрел на это изумительное шёлковое пламя и чуть не плакал, понимая, что происходит. Советские солдаты возвращались на Родину, и где-то там, на мосту в Термезе – в небольшом городочке на самом юге Узбекистана, возле афганской границы, – стояли солдатские матери с широко раскрытыми глазами, встречали сыновей, слезами счастья и слезами горя переполняя чашу Амударьи.

Вот когда нестерпимо захотелось бежать. Но удачный побег из плена там считался чудом из чудес.

Трое суток он бродил по барханам, жевал песок от голода и слёзы пил от жажды. И от бессилия подохнуть был готов. Но всякий раз, когда отчаянье накатывало, он слышал под ухом суровый приказ: «А ты останься и отомсти!» И опять он собирал в комок остатки сил, опять куда-то полз. Бескрайняя пустыня перед ним играла миражами – пустыня, похожая на громадную сковородку, в которую щедро насыпали желтушный песок и поставили на медленный огонь.

Из памяти вышибло вон, сколько он блуждал и где он ползал по этой раскалённой сковородке. Память с трудом заработала только тогда, когда его поймали и стали бить – боль вернула сознание.

После неудачного побега – в результате каких-то местечковых переговоров или интрижек – Абдуррахман оказался в рабстве у другого хозяина, афганского торговца лошадьми. Житуха раба стала попроще, полегче – не надо шарашиться по минным полям, рискуя разорваться в лоскуты. Лошадей он любил и они его тоже. Чудесные создания природы, они ведь не знали, что перед ними несчастный пленник, русский раб, который, кстати сказать, дорого ценится и даже является гордостью хозяина.

Второй свой побег он предпринимал уже верхом. Какой хороший конь тогда под ним разгорячился! Понятливый конь и выносливый, и такой быстройбегий – летел быстрее пули в темноту. Сколько вёрст он проскакал без передыху – не сосчитать. Мыльная пена клочками кипела на жеребце, а раскалённое дыхание было такое – можно прикурить, казалось, до волдырей обжечься можно, если руку поднести.

Загнал он коня, прости, господи, запалил где-то в междуречье Аргандаба и Тарнака, там, где посреди пустыни Кандагар.

За время плена Шура неплохо освоил афганский язык – пушту и дари. И поэтому в потёмках Кандагара было относительно просто выдавать себя за аборигена. До аэропорта он пробирался, не особо надеясь на чудо, но всё же надеясь.

И чудо случилось. Бог по имени Жизнь – настолько же коварный Бог, настолько и милосердный – подарил ему большое чудо. Такое большое, что внутри можно спрятаться.

Это чудо было – военно-транспортный российский самолёт ИЛ-76. Ещё недавно этот крылатый мастодонт назывался «Чёрным тюльпаном», в цинковых гробах перевозил «Груз 200». И потому в громадном брюхе самолёта, в грузовой кабине, похожей на тоннель метрополитена, остался один цинковый ящик, пустой, а вернее, наполовину заполненный тряпками, необходимыми для протирки и уборки.

И вдруг – за несколько минут до взлёта – из этого гроба послышался приглушенный храп или что-то наподобие того.

Проходивший мимо старший бортовой авиатехник, гвардии прапорщик Бурцев обалдело замер – глаза поползли пузырями на лоб. Он прибежал в кабину и докладывает командиру:

- Кто-то храпит в гробу!
- Прапорщик! – удивился командир. – Ты выпил, что ли?
- Никак нет! Там кто-то... Я серьёзно...

Подполковник нехотя поднялся, пошёл за бортовым авиатехником. Они осторожно приблизились, открыли крышку цинкового гроба – и ахнули. Там, скрестивши руки на груди, лежал покойник. Лежал и похрапывал. Его разбудили, но, правда, не сразу – пришлось растормошить. Покойник в тюбетейке подскочил и что-то сбивчиво стал бормотать на афганском дари – восточный диалект персидского языка.

- Друг! Ты как сюда попал? – настороженно спросил командир. – Тебе чего тут надо?

Услышав русскую речь, покойник обрадовался, хотел обнять пилота, но подполковник на всякий случай отодвинулся и руку положил на кобуру.

– Да вы что? Земляки! Да я свой! – Покойник заговорил на русском языке, хотя и с акцентом. Он стал называть имена командиров частей 40-ой советской армии, отвоевавшей Афганистане.

Через несколько минут они взлетели из Кандагара.

Взлетели в полночь при абсолютно чистых небесах – звёзды как будто посыпались в кабину пилотов, где стоял угрюмый бывший пленник. Свободной, вольной птицей парящий над чёрными афганскими песками, он в те минуты не испытывал ни радости, ни облегчения; так сильно замордован был побегом и вообще за время плена своего.

- Тебя как звать, земляк? – поинтересовался командир.
- Абдуррахман, – машинально ответил парень и тут же скривил ухмылку.
- И давно ты здесь абдурахманишь?

– Я не знаю. А какой сегодня год?

– Ты что? Серьёзно?

– А я похож на клоуна? – спросил Абдуррахман, вдруг загораясь жёсткими глазами – зрачки будто светились в полу мраке, напоминая волчий изумруд.

– Ну, извини, Абдуррахман, – примирительно сказал подполковник. – Иди, отдыхай.

Бывший пленник неожиданно ощерился, показывая чёрную дыру на месте выбитых зубов.

– Да никакой я ни Абдуррахман! Меня звать Шура! Шурави!

Да-да! Шутили так, козлы, и дошутились! Командир экипажа насторожённо сощурил глаза.

– А где эти козлы шутили так?

– Да там, ещё в казарме... – Вспышка гнева погасла у парня глазах. – Теперь уже не вспомню, какой остряк придумал эту хренотень: Шура Визигин – это, дескать, сокращённо Шурави.

Ну, разве не козлы?

– Козлы, конечно, – согласился подполковник, интуитивно ощущая опасность, исходящую от бывшего пленника. – Шура, ну, так что? Ты, наверно, иди, отдыхай. А у нас работа. Извини.

Покинув кабину пилотов, он удалился в грузовой отсек, тот дальний угол, где стоял цинковый гроб, оставшийся после груза «200». Улёгся там и руки на груди скрестил. И заснул так глубоко, так безмятежно, как не спал уже несколько лет, проведённых в плену.

* * *

Никогда и никто не узнает, что испытал он, оказавшись в новой стране – в своей родной стране и в то же время как будто в чужой. Несколько дней и ночей он бездомно, бесприютно ошивался на улицах, на вокзалах Москвы. Заработал немного на разгрузке вагонов, на мелких услугах носильщика. Прибарахлившись, он разузнал, где находится «Афганское содружество».

Потолкавшись по кабинетам, бывший пленник разведал кое-что о своих однополчанах, а главное – о себе. Не раскрывая карты, он сочинил историю о своём далёком родственнике, которого звали Шура Визигин. Был этот Шура взводным командиром такого-то взвода в таком-то полку и в таком-то году. Все эти данные были проверены – и результат оказался ошеломляющим. Визигин Шура – предатель Родины, человек, ни за понюшку пороха продавшийся врагам.

И после этого он сорвался с катушек. Он, отправленный с оружием в руках в чужие земли и только чудом не подохший в плену, стыл считаться предателем Родины. А эти, сытые и самодовольные, стройными рядами идущие по проспектам, те, кто прожигает жизнь по кабакам и казино, кто уже с лихвой разворовал и распродал эту самую Родину – они вроде как нормальные граждане страны.

Он, отправленный оружием в руках в чужие земли и только чудом не подохший в плену, стал считаться предателем Родины. А эти, сытые и самодовольные, стройными рядами идущие по проспектам, те, кто прожигает жизнь по кабакам и в казино, кто уже

Так, что ли, выходит? Да, он действительно бывший пленник и раб. Но он бежал – свободен. А кто они – если не все, то многие граждане страны? Разве не рабы они, если в корень смотреть? Они – презренные рабы своих страстей, среди которых обрисовалась самая главная – страсть к наживе. Они в плену вина и водки, табака и похоти, сытости и властолюбия. И никто из них не думает бежать из этого плена, из этого рабства. Наоборот – все только и мечтают, чтоб оказаться там. Так какое же право имеют они судить о том, о чём не имеют понятия? Загнать бы их в пустыню под Кандагаром, чтобы они полными ложками жрали песок, размо-

ченный слезами и соплями. Загнать бы их на минные поля, чтоб они, твари дрожащие, наконец-то поняли, что это значит: жизнь прожить – не поле перейти. И только после этого он бы с ними поговорил, с теми, кто уцелеет, конечно. А сейчас он с этими козлами якшаться не намерен. Он сюда вернулся не за этим. У него приказ, который кровь из носу надо выполнять.

Он шёл, куда глаза глядят и бормотал:

– Предатель Родины! Вот ни хрена себе! Они тут минаретов понастроили на каждом углу, а я предатель. Тут нигде уже вывески на русском языке не встретишь, кругом одна сплошная иностранщина и они при этом квасные патриоты, а я предатель. Кремлёвские товарищи, которые вчера отправили меня на войну, стали теперь господами, забросили свои партийные билеты и вместо коммунизма бросились во все лопатки строить капитализм, а я предатель. Ловко. Ну, я вам, тварям, покажу предателя. Я вам заделаю такой кошмар-цветок, которого вы отродясь не видели...

За несколько дней – как будто по мановению волшебной палочки – он превратился в «лондонского денди» или, лучше сказать, в одного из представителей московской золотой молодёжи. И хотя превращение это произошло незаконным путём – его это ничуть не волновало; бедных людей он не трогал, а богатые сволочи сами должны поделиться.

Вчера ещё похожий на бродягу, он был теперь одет с иголочки. Во рту – на месте выбитых зубов – полыхали золотые мосты, замастуренные самым лучшим, может быть, столичным зуботехником. А на руке у него красовались такие дорогие часы, за которые главарь моджахедов на глазах у него застрелил афганского офицера, потому что такие часы – признак откровенной жизни не по средствам. А тут – успел заметить Шура – каждого третьего или четвёртого спокойно можно грохнуть из-за таких часов: почти полстраны живёт не по средствам. «Непосредственные люди!» – изумлённо думал он, впервые оказавшись в тех местах, где клубилась золотая молодёжь, гремела забойная музыка; там прожигали за ночь десятки тысяч и даже сотни; там пили всё, что горит, торговали наркотой и проститутками. Случайных людей там не жаловали – надо было пройти фейс-контроль. Непонятно как, но Шура проходил. Неплохо владея чужим языком, он выдавал себя за иностранца. Хотя, если вдуматься, он действительно был иностранец: уехал из одной страны, а вернулся, увы, совершенно в другую.

По ночам он стал заглядывать в подпольное казино, где новичкам везло, как говорил крупье. Вот откуда у него появились деньги, а вслед за этим появилась возможность приобрести документы. И тогда он стал – Рахман Абдулов, открыто и спокойно проходивший около милиционеров; Абдулова раза три-четыре проверяли уже и отпускали, откозырнув.

«Надо машину купить, – подумал Рахман, под вечер направляясь в казино, – пешком далеко не уйдёшь...»

А под утро он оказался гол как сокол – в пух и прах проигрался.

И тут нарисовался перед ним какой-то смазливый генеральский сынок – Рахман краем уха услышал, кто этот сопляк. За плечами генеральского сына был московский институт, который он бросил, школа-пансионат в Лондоне, откуда он уехал, чтоб не удушиться от тоски. Генеральский сынок жил на широкую ногу. В ночном престижном клубе он покупал пузырь шампанского за тридцать тысяч рублей – средняя зарплата шахтёра, который целый месяц должен корячиться в чёрном забое, каждый день рискуя погибнуть под завалами. У генеральского сына имелась безумно дорогая иномарка, на которой он недавно сбил и покалечил трёх пешеходов и таранил около десятка легковых машин. Генеральский сынок через день да каждый день мог платить по несколько тысяч долларов только за то, чтобы столик себе забронировать в ночном престижном клубе. Генеральский сынок жил на папины деньги, но сам зарабатывал в поте лица – наркотой приторговывал. Рахман, в пух и прах проигравшийся, решил его немного потрясти.

В предрассветных сумерках парнишка, изрядно поддатый, снова сел за руль иномарки, чтобы снова, может быть, покалечить или насмерть переехать кого-нибудь. И вдруг за спиной –

на заднем сидении – возникла фигура. И в тот же миг хорошо заточенное лезвие, напоминающее прохладное жало змеи, упёрлось в горло парня.

– Поехали! – приказал хрипатый пассажир, говоривший как будто на ломаном русском.

– Ты кто? – Парень стал слегка заикаться. – Ты из этой...

Из кавказской группировки, что ли? Так у меня там схвачено...

– Я всё тебе подробно объясню, – пообещал угрюмый незнакомец. – Только не здесь.

Поехали.

– А может быть, я денег тебе дам и все дела?

– Не могу, – ответил странный пассажир, – у меня приказ.

В мыслях у Рахмана не было ничего дурного, кроме того, что он хотел забрать машину.

– Пешком гулять полезно, – сказал он уже за городом. – Папа тебе купит, не горюй. Но если ты ещё хоть раз сядешь пьяный за руль...

– Да пошёл ты! Отец мой тебе, знаешь... – закричал генеральский сынок и неожиданно дёрнулся – нож, заточенный как бритва, чиркнул по сонной артерии.

Абдулов, успев отстраниться от фонтана горячей крови, прошептал с сожалением:

– Хлещет как из поросёнка!

С дорогой иномаркой пришлось попрощаться – с обрыва спустил в подмосковном лесу. Одежду свою он угваздал так, что еле-еле отёр травой – вместо красных пятен появились тёмно-зелёные.

Невинно пролитая кровь что-то в нём всколыхнула на бессознательном уровне. Что-то пещерное, жуткое. Вспомнился «красный тюльпан» и слова командира: «А ты останься и отомсти!»

Рахман Абдулов заложил часы в ломбард, купил себе новый костюм и поехал на поиски афганского брата, с которым были связаны большие надежды: афганский брат за эти годы успел поработать во многих военных конторах, одна из которых, особенно важная и влиятельная, называлась Конторою Глубокого Бурения, сокращённо – КГБ.

Рануутренняя электричка размеренно тащилась по зелёным полям Подмосковья, на минуту-другую исправно притормаживая на остановках, указанных в расписании. И всякий раз, когда вагон замедлял движение, человек, дремавший у окна, пугливо растопыривал глаза, глядел вокруг и снова у кого-нибудь из попутчиков спрашивал, далеко ли такая-то саякая остановка. По голосу и тёмному лицу, испечённому на солнце, было понятно, что человек этот, скорее всего, иностранец.

Доехав до нужной станции, чужеземец этот, слегка прихрамывая, пошёл по кривой дорожке в сторону домов, видневшихся между берёзами и сосняками.

Подмосковное село стояло на реке. Старинное село, пригожее когда-то, но захиревшее за последние годы.

Иностранец, который был, конечно же, Визигин Шура, свернул сначала в один закоулок, потом в другой и третий – попал тупик, заваленный кучами мусора. И только потом – по наитию – он оказался на Вишнёвой улице, где, между прочим, не было ни одного вишнёвого дерева – только яблоки и груши смущённо розовели по садам.

Шура Визигин искал домик афганского брата, которого он когда-то вытащил из боя. Этот названный брат – сержант ВДВ Жора Подвольский, координаты которого удалось раздобыть кабинетах «Афганского содружества».

Подвольский не узнал его – и это не мудрено. Шура Визигин или Рахман Абдулов, если верить документам, даже сам себя не узнавал, глядя в зеркало, – настолько сильно всё в нём изменилось. Подвольский насторожённо смотрел на него до тех пор, покуда Шура не стал перечислять фамилии однополчан, номера отделений и взводов, причуды и привычки сержантов, офицеров.

Насторожённость Подвольского, кажется, так и не исчезла до конца, хотя он и стал приветливым, попросил жену стол накрыть под яблоней.

Деревянный скромный дом Подвольского стоял возле реки, ноги свесил с берега. Хорошее местечко, благодатное. Да ещё и погода способствовала – красное летечко разгоралось в европейской полосе. В саду, где стоял широкий стол, ароматно пахло вызревающими плодами. Жужжали пчёлы. Огурчики да помидорчики росли на грядках. Петрушка и лук. Круглолицый подсолнух уже подвизался жёлтым платком.

Хлебосольная хозяйка закуски на стол навалила – десять здоровенных мужиков не справятся, а не то, что эти двое, которым важно было не пожрать – поговорить.

Всю ночь они сидели под открытым небом, вспоминали.

Жора Подвольский, то бишь, Георгий Иванович, трёхзвёздочный коньяк принимал «напёрстками», а Шура наотрез отказался от выпивки. Георгий Иванович сначала обрадовался тому, что Визигин не пьёт, а потом запечалился, приметив другое пристрастие брата – на столе время от времени появлялась золотая табакерка с сатанинским зельем.

Воспоминания их крутились вокруг Афганистана и бывших однополчан. Но больше всего разговор Шура незаметно подводил к тяжелому бою за высоту – кошмарному бою, который продлился около суток. Подвольского тогда контузило – чёрт знает, сколько времени провалялся под миномётной плитой, потом уже прочухался, когда всё затихло, кое-как дотелепался до своих.

– В плену у меня было время подумать, – угрюмо говорил Визигин. – И так и эдак я крутил головоломку, в которой много странностей. Ты ведь помнишь, да? Неподалёку тогда находилось много нашей брони, но ни одна машина почему-то не выдвинулась на помощь. И ни одна вертушка не прилетела.

– Ну, как не помнить! – Георгий Иванович закурил. – Я же тогда на рации сидел, покуда не шарахнуло. Мы почти поминутно вызывали огонь на себя. И ни хрена в ответ. Хоть сдохни.

– А моджахеды как лупили, помнишь? Без передыху.

И лезли в такую наглую, как будто знали, что не будет никакой брони и никаких вертушек. Ну, не странно ли? – Гость напряжённо посмотрел на хозяина. – У меня такое ощущение, как будто кто-то сильно захотел угробить нашу роту!

– Правильно мыслишь, – тихо, снисходительно подтвердил Подвольский, видимо, привыкший разговаривать в подобном тоне.

– Я знаю, что правильно! – запальчиво перебил Визигин, которому снисходительный тон резанул по ушам. – Я просто хочу узнать: за что? За какие грехи нашу роту повели на убой? Плеснув себе в рюмаху, Подвольский пригубил.

– Ты поздно к нам в роту пришёл, потому и не знаешь всего.

Хотя и я не знаю многого. Одни догадки.

– Ну, поделись догадками хотя бы.

Подвольский чиркнул зажигалкой, снова закурил.

– В штабе дивизии были предатели. У них была связь с моджахедами.

– Но почему... – загорячился гость, – почему наша рота попала в такую немилость? Ведь не случайно же? Нет?

– В нашей роте было много непокорных. Особенно один, который много знал...

– Кто? Хотя не надо, если ты не хочешь...

Окурок с перехрустом сломался в пепельнице – Подвольский выдохнул длинно и шумно.

– Я ж говорю, ты поздно в роту к нам пришёл, а то был бы в курсе. – Георгий Иванович назвал фамилию солдата, который много знал. – Он однажды конкретно поцапался с нашим генерал-майором. Представляешь? Солдат обвинил генерала в развале нашей дивизии. Солдат обвинил генерала в преступлениях, которые имели место быть в нашей дивизии. Солдат

сказал, что у него имеются железобетонные доказательства причастности генерала ко многим преступлениям...

– Торговля водкой, например. – Глаза Визигина свирепо сверкнули. – Торговля наркотиками. Продажа оружия и боеприпасов моджахедам. Отправка героина в СССР в цинковых гробах.

– Ну, вот видишь, ты в курсе, – сказал Подвольский не без удивления.

– В курсе. – Шура скривился, будто зуб заболел. – А знаешь, кто мне всю эту информацию раскрыл? Моджахеды. Те, которых я в плену... Они рассказывали мне и потешались над нашими продажными генералами. – Нет, не все продажные, конечно.

– Да я не говорю, что все. Были и такие, перед кем я и сегодня шляпу снял бы. Но ведь были и такие твари, кто сидел тылу и покупал награды, чтобы героем приехать домой. – Визигин отмахнулся. – Ну, да ладно. Вернёмся к нашему барану, генерал-майору. Ты говоришь, солдатик...

– Ну, да, солдатик, – продолжил Подвольский, – наш солдатик из десятой роты публично обвинил его во всех грехах, которые ты только что перечислил. Генерал взбеленился и приказал расстрелять солдатика. За клевету на Героя Советского Союза. Но расстрелять не успели. А может, кто-то и не захотел руки в крови марать. Не знаю. А вскоре бой за высоту. Бой, во время которого нашу роту предали и приговорили...

Разволновавшись, Визигин поднялся. Походил туда-сюда около стола. Табакерку открыл – сатанинского зелья отведал.

– А где он теперь? Живой или нет? – Ты про кого?

– Генерал-майор. Герой наш. – А-а! На пенсии где-то. Жирует. – А где же справедливость?

– И справедливость ушла на пенсию. Уволили нашу правду-матку за ненадобность. Визигин по-волчьи глазами сверкнул.

– А может, пора её снова принять на работу? Нашу правду-матку. Справедливость.

– Оно неплохо бы. – Подвольский покусал губу. – Кто только примет её на работу?

– Ну, я, например.

– А тебе-то зачем?

– Так надо. Приказ у меня. – Да брось ты! Чей приказ?

И Шура Визигин подробно рассказал ему, что было в плену перед «красным тюльпаном». Золотая табакерка, лежащая перед ним, теперь уже почти не закрывалась – дрожащими пальцами Шура хватал понюшку за понюшкой. Голос его был дрожащим, и хуже того – виноватым и даже немного заискивающим.

– Я сломался, брат! Давно уже сломался! – остервенело откровенничал Визигин. – Сломался, может быть, тогда ещё, в бою за высоту. А в плену и подавно... А когда мне сказали, ты, дескать, парень, останься и отомсти, я ухватился за это, как утопающий за соломинку. – Визигин ударил кулаком по столу. – Жора! Я тебе честно скажу: я до сих пор не знаю, как было бы лучше. Может, надо было принять «красный тюльпан», да и всё. Теперь бы не маялся, не страдал...

Рядом с Подвольским качалась сухая ветка яблони. Он медленно сломал её и отшвырнул.

– Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать, – пробормотал он и добавил погромче: – Это не я, это Пушкин.

Неопределённо хмыкнув, Шура посмотрел на окна сонной избы.

– А сколько у тебя короедов? – заговорил он уже спокойно. – Трое. И всё мужики. Представляешь?

– Молодец ты, Жорка!

– И ты давай...

– Ну, это как получится. – Гость отчего-то поморщился. – А домик? Дача?

– Тут стояла древняя хибарка моих родителей. Я раскатал её по брёвнам и построил новую. Летом тут, а на зиму в Москве.

– Я тоже построю такую. Уеду и построю. – Визигин снова пальцы в табакерку запустил. – Слушай, братуха! А ты не слышал о такой стране, где есть Министерство Счастья?

Георгий Иванович неодобрительно посмотрел на табакерку. – А что, есть такая страна?

Где-то вдалеке почудилось нечто похожее на милицейскую сирену. Покрутив головой, Визигин неожиданно поднялся.

– Ну, мне пора.

– Сиди. Куда ты, Шура? Я тебе рад...

«Да, да, ты сильно рад! – ожесточённо подумал гость. – Даже в дом не пригласил, с женой не познакомил. И посуду мою теперь с хлоркой будешь мыть, чтобы никто из домочадцев не заразился!»

Он был не прав; Подвольский вёл себя нормально, дружески. И ощущая эту свою неправоту, Визигин ещё больше занервничал.

– Извини. – Лицо его перекошилось от внезапной боли в голове. – Я пойду. Не хочу, чтоб у тебя возникли неприятности.

– А почему это они возникнут?

Бывший пленник внезапно показал ему свой золотой оскал, похожий на оскал затравленного зверя.

– А ты разве не знаешь, с кем сидишь? С предателем Родины. – Перестань. Это же простое недоразумение.

– Да-да, очень даже простое! – Визигин руку протянул. – Ну, будь здоров, братишка. Спасибо за душевный разговор.

– Ну, куда ты, на ночь глядя, настрополился? Сейчас пойдём, чуток поспим, а на рассвете сходим на рыбалку.

– Уже рассвет, братишка. Скоро электричка. Я пойду, а ты мне шепни напоследок. – Визигин склонился к нему. – Ну?

Давай, давай! Шепни! Где он окопался?

Несколько секунд посомневавшись, Подвольский нехотя шепнул.

Шура с благодарностью обнял его и, не оборачиваясь, пошёл, прихрамывая.

В полутёмном переулке, где скрылась фигура сутулого гостя, зверовато, по-волчьи сверкнули глаза какой-то бродячей собаки. А потом вдруг показалось, что это вовсе даже не собака – это Шура оглянулся напоследок и сверкнул глазами, так удивительно, так жутковато ожесточившимися за время плена.

Подвольский, прислушиваясь к дальним, слабо уже различимым шагам, постоял за воротами, покурил, прежде чем уйти в тепло избы. Посмотрел на зубчатую кромку синевато-багрового рассвета – на востоке над соснами подмосковного бора. И душа заныла вдруг, застонала, и он пожалел о том, что проболтался напоследок.

* * *

Автомобиль в районе Садового кольца пропал в субботу вечером, но хозяин – голова садовая – загулял и поэтому заявил о пропаже только под вечер, когда кошмар на генеральской даче уже случился и даже попал в череду новостей.

При помощи «всевидящего ока» – многочисленных видеокамер – сыщики опять и опять отслеживали продвижение угнанного автомобиля. Искали хоть какую-то зацепку.

Видно было, как машину быстро и ловко вскрыли – скупые и точные движения выдавали профессионала, который, к сожалению, работал очень ловко: лицо ни разу не попало в камеру – угонщик будто знал или шкурой чувствовал, откуда глядит электронное око.

По фигуре и по телодвижениям было понятно, что этот профи относительно молод, спортивно поджарый, плечистый.

А главная зацепка – не ахти какая, но всё же характерная – походка с небольшой хромотой. Правую ногу парень приволакивал, словно гирию за собою тащил. Из-за этой походки он получил оперативный псевдоним «Хромцов» – для удобства общения сыщиков, которые, в общем-то, понимали, что хромота может быть придуманной для отвода глаз.

Хромцов одет был элегантно – белые брюки, белая рубашка.

Импозантный автомобиль его – ну, то есть, угнанный автомобиль – на полчаса застрял в потоке МКАДА, похожем на исчадие ада: выхлопные трубы газовали сотнями, если не тысячами. В этом потоке многие водители стареют и уходят на пенсию – такая печальная слава с недавних пор стала преследовать московскую кольцевую автодорогу, ведущую в сторону Николиной горы и дальше. Но Хромцов, похоже, стареть не собирался в этой пробке. Он, кажется, был первоклассным водителем, способным выделять фантастические фортели – машину будто штопором выдергивали из таких проблемных мест, где можно подолгу загорать.

Оставляя позади глухую пробку, импозантная иномарка свернула с бетонного главного русла – пошла по второстепенному притоку, хорошо заасфальтированному, оснащённому подсветкой и разметкой.

Дорога впереди почти пустая, только шлагбаумы частоколом торчали. Дорога струилась по берегу светлой реки, плавно забираясь на пригорки, уходя в тёмно-зелёную бронзу подмосковного бора. Дорога спокойная, гладкая. Места живописные, плотно застроенные. Кругом красуются элитные дома, коттеджи, дачи. Земля теперь тут стала такая дорогая, будто на каждом квадратном метре залегает ураганное золото. В лихие времена, на исходе XX века, за эти земли проливалась кровь, как на войне. Потом всё потихоньку устаканилось. Делёжка дорогого и вкусного пирога завершилась. Отгремело эхо последних выстрелов – убрали особо упрямых. Отструился дым последнего пожара – сожгли особо строптивых. И, наконец-то, в округе воцарился покой и порядок. В тишине слышались рулады соловья, запела синица-московка, а иногда на вешних зорях даже голос глухаря мерещился где-то в глубине старинных сосен, заплаканных смолою – подмосковные боры сами себя оплакивали, стройными рядами уходя под топоры и бензопилы.

Территория частных владений в этих местах сегодня охраняется не хуже государственной границы, если не лучше. Территория повсюду огорожена пятиметровыми заборами, опутана колючею крапивой проволоки. И там, и тут имеются видеокамеры – работает система контроля доступа.

Вот Хромцов опять остановился – иномарка упёрлась рычащим рылом в очередной шлагбаум, кажется, последний.

Скучающий охранник в чёрной форме с белыми буквами «секьюрити», написанными по-английски, – security – хладнокровно-вежливо проверил документы и поднял шлагбаум. И опять дорога заструилась вдоль реки, вдоль заборов, над которыми вспухали облака золотистых садов, отяжелённых яблоками и грушами.

Ласковый денёк уже клонился к вечеру – синие, сизые и багрово-лиловые тени от заборов падали под колёса. Тени от кустов и деревьев кругами и крестиками вышивали потемневший асфальт. Закатное солнце поминутно мелькало над вершинами сосен, над железными и черепичными крышами, где торчали фигурные дымоходы, украшенные резными флюгерами, фигурками жестяных котов, чертей, бабы-яги, словно бы летящей на помеле.

Отставной генерал, куда субботним вечером должны были съехаться гости, жил в деревянном трёхэтажном коттедже с большой прилегающей территорией: конюшня, два летних бассейна, площадка для гольфа и даже подземное стрельбище, откуда время от времени раздавалось приглушенное бубуханье, будто булавою колотили крепкие орехи.

Хромцов остановил машину возле массивных ворот, похожих на ворота крепости, в которой можно подолгу отсиживаться. Трава на въезде в крепость не примята – Хромцов приехал первым, не зря торопился.

Характерно прихрамывая, он приблизился к воротам, поколдовал над железной кованой калиткой, открыл, вошёл – и всё, больше нигде он не засветился.

Дальше в этом бесплатном кино неожиданно принял участие один высокопоставленный начальник подмосковной области.

К воротам генеральской дачи машина этого начальника подъехала минут через сорок после того, как там объявился Хромцов.

Отягощённый заботами, большой начальник хотел поскорее поздравить юбиляра и дальше ехать по своим делам.

– Гляди-ка! – удивлённо воскликнул начальник, кивая на авто перед воротами. – Кто-то нас опередил! Ну, звони, чего сидишь?

Личный водитель, добротнo одетый мордovorот, с неожиданной лёгкостью выпрыгнул на светло-зелёную травку, подстриженную по ранжиру. Энергично разминая руки, слегка затёкшие за баранкой, водитель сделал несколько таких движений, будто не шел, а плыл по воздуху.

Электронный звонок – под козырьком от дождя – был аккуратно вмонтирован в железную опору крепостных ворот. Шофёр «подплыл» к звонку, хотел нажать на белый пуп, но почему-то не нажал. Лицо его, слегка растерянное, повернулось к машине. Затем он опять обратился к воротам – не запертым. Шофёра это слегка смутило: кругом кордоны, везде секьюрити, а железные ворота отставного генерала почему-то разблокированы. Хотя, быть может, ничего особенного – промелькнуло в голове шофёра. Разблокировка – скорее всего – это знак доверия, знак гостеприимства.

– Ты что? Заснул? – Шеф, сидящий в глубине иномарки, не выдержал, дверцу открыл.

Они вдвоём вошли во двор, постояли несколько секунд и переглянулись. Двор довольно просторный, ухоженный. И всё тут, казалось, было в полном порядке. За исключением одной детали, малозаметной, но всё-таки вселяющей смущение...

И снова они переглянулись – начальник и водитель. Переглянулись тревожно, опасливо. Шофёр, который по совместительству был ещё и телохранитель, из-под мышки вынул нагретое оружие, осторожно-привычным движением передёрнул затвор. Сделав знак начальнику, чтобы тот оставался на месте, телохранитель дальше вознамерился пойти один. Но шефу не понравился этот небрежный знак – повелительный приказ рукой. И поэтому дальше они опять пошли вдвоём, машинально пригибаясь, позыркивая по сторонам.

Пройдя по деревянной дорожке, они свернули в сторону бассейна, но ничего особенного там не обнаружили. Затем попалоcь на глаза раздавленное яблоко – красно-коровым оладышком валялось на тропинке, ведущей в затенённый, тихо-задумчивый сад.

Они торопливо прошли мимо клумбы, украшенной бутонами разных цветов – с недавних пор у отставного генерала появилась такая слабость: цветочки разводил, целыми часами любовно обихаживал.

И вот здесь, возле нарядной клумбы, они вдруг замерли.

Стало вдруг зябко. Так зябко, будто предзимним ветром навстречу потянуло – таким колючим ветром, от которого на головах поднимаются волосы дыбом.

Убийство отставного генерала было настолько диким по своей жестокости – двух здоровых мужиков аж замутило от этой кошмарной картины.

Шофёр-телохранитель сплюнул, отворачиваясь.

– Это похоже на «красный тюльпан», – сказал он, глядя на бледного шефа, – средневековая казнь, распространённая в Афганистане. Дядька там служил.

– Дядька! – багровея, рявкнул шеф. – В милицию звони!

* * *

Кошмарную новость Подвольский узнал примерно через сутки после того, как у него в гостях побывал бывший пленник. Сначала Георгий Иванович в телевизоре увидел короткий репортаж в новостях, а потом в газете прочитал о том, как отставного генерал-майора, бывшего Героя бывшего Советского Союза кто-то убил на даче. И не просто так убил – это была дикая мучительная казнь под названием «красный тюльпан». Похолодев, Подвольский в первую минуту бежать был готов «куда следует», но затем заставил себя успокоиться. Может, совпадение? Зачем паниковать? Ведь ничего же неясно...

А немного позднее в подмосковном селе объявился неприметный человек, похожий на одного из тех, кто хотел бы тут домик купить по дешевке. Безошибочно пройдя по переулкам, человек тот оказался на Вишнёвой улице – аккуратно напротив домика Подвольских. Во дворе в песочнице играла мелюзга – разнокалиберные пацаны, возле которых, будто курица кругом цыпляет, хлопотала пышногрудая мамка. Незванный гость показал ей солидные красные корочки и сказал, что ему необходимо побеседовать с хозяином.

Беседа за пустым столом под яблоней получилась короткой, прохладной.

– Георгий Иванович, – говорил сухопарый сыскарь, – вы представляете, что он может ещё натворить? Он же не в себе. Такую казнь может придумать только сумасшедший.

– Она уже давным-давно придумана. Ещё в средневековье. – Простите, что-то я вас не понимаю. Вы как будто его защищаете, Георгий Иванович. – Да нет, ну что вы? Боже упаси!

Пчела в тишине жужжала где-то поблизости. В чистом небе ласточки постреливали.

Сыскарь поднялся, кулаками похрустел, словно разминая руки для удара.

– Значить, не знаете, куда он мог поехать?

– Понятия не имею, – чистосердечно ответил Подвольский. – Правда, он мне что-то говорил о стране, в которой как будто существует министерство счастья. Может, он туда уехал?

– Шутить изволите?

– Нет, он действительно так говорил.

Похлопав глазами, сыскарь отмахнулся от пчелы, прожужжавшей под ухом.

– Министерство счастья? – Ухмыльнулся. – Что за ерунда? И где это? Не знаете?

Подвольский пожал плечами. Он хотел сказать, что министерство счастья, скорее всего, находится в золотой табакерке, где Шура Визигин хранит героин или другой какой-то наркотик, но говорить не стал – из уважения к тому Визигину, который вытащил его из боя, из такого огненного пекла, где земля горела и камни плавилась, как будто плакали от ужаса.

* * *

Бородатый хромой человек, башмаками шаркающий по степной дороге, был похож на старика – сутулый, с тёмным сучковатым посохом. Скуластое лицо его – там, где не было волос – казалось неумытым, землисто-серым; кожа задубела, прочно прокалилась под слепящим солнцем, которого под русским небом не найдёшь – скорее всего, это было солнце какой-нибудь далёкой экзотической пустыни, где летом свирепствует жар, а зимой гуляют кинжальные ветры и вьюги.

В глазах у этого странника затаилось что-то от зверя или от животного – взгляд прямой и пристальный, готовый вспыхнуть злобным огоньком.

По степной дороге время от времени проносились машины – преимущественно это были иномарки. Никто из водителей даже не думал притормозить, подвезти – пролетали ветерком, с громобойной музыкой, заглушающей даже работу мотора. Там, где был асфальт, а он был не везде, – иномарки сквозили как молнии. А на грунтовке скорость приходилось сбрасывать –

тут иномарка иногда цепляла брюхом, акульным рылом кусала щебенку и поднимала облака дремучей пыли.

Потом степное солнце, голышом с утра гуляющее по синеве, стало одеваться в белую рубашу облаков. Под ветром зароптали придорожные березняки, кусты закачали кудлатыми головами, трава, пригибаясь, белея исподом, как будто побежала с бугорков.

Ходок остановился. Посмотрел на небо. Он уже давненько ощущал, как переломанные кости – неровно сросшиеся руки, ноги, рёбра – перед непогодой сладковато ноют. Сомнительная эта сладковатость переходила в нечто горькое и нудное; переломы зудели, воскрешая в памяти что-то противное и даже омерзительное – это было видно по гримасе.

Капли дождя заклёпками па земле заклацали, будто хотели заклепать грунтовку, там и тут разорванную летнею жарой. Стрекоза, сбита крупною каплей, поползла по дороге, задребезжала слюдинками крыльев, воскрешая в памяти странника смутный образ военного вертолётчика, сбитого коварным стингером. Странник, болезненно морщась, нагнулся и помог «вертолётчику» взлететь со своей вертолётной площадки – с грубой намозоленной ладошки, вздетой к небу.

Вверху загрохотала артиллерия – шарахнула шрапнелью крупного дождя. И только тогда какая-то машина «сжалась», тормознула рядом с ходоком.

– Батя! – вырубая музыку, ревущую в салоне, парень улыбнулся в открытое окно. – Падай, батя! Подвезу!

Машина была – цистерна с горючкой.

– Спасибо, сынок, – уже в кабине сказал странник и слова его отличались небольшим акцентом, как если бы это говорил иностранец.

– Издалека? – Водитель посмотрел на него и опять во весь опор погнал свой табун лошадей, незримо запряжённых под капотом.

– Издалека, ты спрашиваешь? Да, издалека, сынок. Из Афганистана.

– По туристической путёвке? – уточнил беспечный парень. – Ну и как там? Шурик мой недавно был во Вьетнаме. Ни хрена хорошего. Мы тут живём по горло в шоколаде, а там вообще...

– Да, сынок, я по путёвке. Только путёвка у меня была в один конец. Но, слава богу, выбрался.

– В один конец? А что так? С деньгами туго?

– С патронами было хреново, сынок. С бронетехникой и вертолётами.

Водитель посмотрел на пассажира – как баран на новые ворота.

– Понятненько, – пробормотал он и дальше поехал молча. И пассажир молчал. Он вспоминал проклятую дорогу на Кабул, дорогу, по которой возили боеприпасы и продовольствие. А кроме того, и днём, и ночью по той дороге шли пузатые «наливняки» – машины с бензином, солярой. В кабинах за баранками там сидели смертники, так их называли вполне серьёзно. Это были, пожалуй, самые храбрые и дерзкие ребята, игравшие в прятки со смертью: при попадании трассера «наливняк» превращался в огромное огненное облако – никакой надежды на спасение.

Доехав до города, странный пассажир обнял водителя. – Будь здоров, сынок. Поосторожней тут, чтоб не нарваться. – На кого? На милицию?

– Да милиция – чёрт с ней. А если нарвёшься на трассер?

Как тогда? Не боишься? Хотя я знаю, вы ребята храбрые. Ну, ладно, с богом...

Оставшись в кабине один, парень скривился в недоумении, потом покрутил указательным пальцем возле виска и ухмыльнулся, прикуривая от зажигалки в виде голой девицы, у которой волосы как будто бы вставали дыбом и горели на голове.

* * *

Родной городишко за последние годы преобразился, и преображение это было двояким. С одной стороны, хорошо – новостройки пошли косяком. А с другой – куча таких теремов, какие только можно нарисовать для страшной какой-нибудь сказки. Строили теперь тут – кто во что горазд. Всякими правдами и неправдами захватывали центр. Во многих местах оккупировали набережную – ни подъехать, ни подойти. Положили бетон и асфальт в тех местах, где раньше поляны зеленели, красовались лужайки. И в то же время переулки и улицы, немного отдалённые от центра, бесхозно обросли полынями, крапивой и чертополохом – городское правление постоянно менялось, междоусобные войны среди властей мешали сосредоточиться на делах. Правда, было здесь не только дурнотравье. Мята встречалась. Желтоглазая ромашка душу радовала. Медуница, облепленная пчёлами. Золотистые пуговицы пижмы, будто бы собранные в горсти, а точнее, на раскрытой ладони. Только всё же это были дикоросы, порою поднимавшиеся выше человека.

Это непорядок. В дикоросах этих – там и тут – с первых весенних дней и до самых заморозков – кантовались какие-то замухрышки, бездомные люди, которых называли непонятным словом «бомж».

Седобородый странник чуть не наступил на одного такого «бомжа», когда окольными путями пробирался к дому своему – ну, то есть, к бывшему дому.

– Чего тебе надобно, старче? – заворчал замухрышка, поднимая голову, облепленную бусами чертополоха.

– Мне надо пройти к дому Визигиных.

– Не знаю такого, – сказал замухрышка и опять откинулся на травяную постель.

Старинный дом, в котором жила семья Визигиных, культурное наследие деревянного зодчества прошлых веков, как говорили знающие люди, – несколько лет назад раскатали по брёвнышку и построили новый, каменный терем, в котором теперь находилась какая-то фирма, торгующая лесом.

Опечаленный странник завернул за угол каменного терема, достал из-за пазухи табакерку, тисненную золотом. Сделав понюшку-другую, он постоял, понуро глядя в землю. Потом глаза его повеселели. Улыбка тронула губы, когда-то частенько битые – шрам на шраме сидит, как попало сросшийся.

Где-то в листьях тополя, оставшегося от старой жизни, слышались птичьи голоса, вдруг показавшиеся пеньем райских птиц. А вслед за этой райской разноголосицей он услышал и людские голоса, летящие откуда-то из прошлого.

Потом увидел он туманный образ мальчика – это был Шура Визигин, пострел, помогающий мамке красные тюльпанчики выращивать, возить на рынок и даже разносить по адресам.

Так было до четырнадцати лет, до восьмого класса. А дальше – как отрезало. Шура стал стесняться «работать коробейником». Да и некогда было. Шура – неожиданно для многих, но прежде всего, для себя самого – надумал учиться «на доктора». Никогда, никто в нём не замечал склонности к медицине – Шура, как большинство парнишек, с малолетства мечтал о морях-океанах, в космонавты не целился, но лётчиком стать был бы не против. И вот тебе на: сдал экзамены в медучилище, благо, что под боком – почти через дорогу.

Борис Богратионыч, отец, был человеком пролетарской закваски и не одобрил этот странный выбор.

– А если бы тут был кулинарный техникум? – удивлённо спросил отец. – Ты бы туда поступил, чтобы суп варить из топора?

– А что тебе не нравится? – Шура улыбался. – Хорошая профессия. Уважаемая. – Коней лечить? Хорошая. – Зачем коней? Людей.

– Погодь. – Богратионыч посмотрел в недоумении. – Так ты на этого, на людского фельдшера учиться будешь?

– А ты думал – на конского? – Шура хохотнул, качая головой. – То-то, я гляжу, наш батя засмурел.

– Ну, ежели не на конского, тогда ещё ни чо... – Богратионыч махнул намозоленной лапой.

Проучился Шура года полтора, постепенно проникаясь не только симпатией – любовью к стародавнему делу врачевания. Дерзновенная душа Визигина – почти с первого курса – сделала из него «блестящего патологоанатома», как шутили друзья. Студенты носы воротили, когда нужно было идти на вскрытие, а Шура не брезговал. Походы на вскрытие частенько бывали внезапными. Впервые, помнится, их подняли «по тревоге» на уроке истории. В класс вошёл директор, что-то шепнул на ухо Вере Ивановне Конончук – это была их классная дама. После короткой перешептовки будущие медики быстренько собрались и пошли в городскую больницу, в стародавний флигель, где размещался морг. Там поджидал их молодой «учебный экспонат», ещё не остывший от самострела. Что с ним случилось? Почему он в свои двадцать пять грудью лёг на стволы? Юных эскулапов это мало волновало. По крайней мере, он, Визигин Шура, на самострела того спокойно смотрел. Он даже не запомнил облик самоубийцы. Зато прекрасно помнил, сколько дрови выгребал из груди самострела. Обагрённая кровью, дробь мерцала переспелой калиной, которую прихватило морозцем, брякала под ногами в тазу, куда Шура проворно бросал эту ягоду и снова черпал вместе с пыжами. Шура помнил печень самострела, добротную свежую печень, ещё не отравленную алкоголем. Помнил чистые лёгкие, ещё не потемневшие от никотина. «С таким организмом сто лет проживёшь, – заметил Шура, – но, видать, не судьба!»

Профессиональный цинизм работников медицины – умение подавлять эмоции, не поддаваться панике – необходимая штука для спокойного и взвешенного принятия решений. И в этом смысле Шура оказался врождённым профессионалом. Так что выбор профессии, видимо, был не случайным, как это могло показаться окружающим и даже самому Визигину.

Позднее, будучи на практике в городской больнице, когда Шура делал по три-четыре вскрытия в день, он уже спокойно в морге чайк пошвыркивал, бутерброд с колбаской наворачивал и пирожками с ливером не брезговал. А потом случилось одно ЧП городского масштаба – Шура кое-кому по башке настучал, защищая свою любимую девушку. Происшествие это грозило обернуться судом и парень был вынужден бросить учёбу, постучаться в двери военкомата.

Воспоминания седого странника были разноцветными – наркотический дурман раскрашивал. Странник широко улыбался и даже делал такие движения, словно мальчика – Шуру Визигина – гладил по голове. И чудные эти видения так заворожили сдобородого, что он не заметил охранника, к нему подошедшего.

– Аллё! – в недоумении сказал охранник, взмахнув рукой перед глазами старика. – Ты чего здесь трёшься битый час? Ты кто такой?

– Красный тюльпан... – начал, было, странник, но смутился, сбился. – Теплица тут раньше была, тюльпаны выращивали.

Охранник бесцеремонно взял его за воротник и подтолкнул.

– Иди, красный тюльпан. Иди. – А зачем же так-то? Я уйду.

– Ну, кто бы сомневался. Только поскорей.

В голосе охранника была издёвка, а чёрные глаза глядели сонно и пренебрежительно, и такое было выражение в этих глазах – у душманов такое встречалось.

И странник будто бы «слетел с зарубки» – развернувшись, он с неожиданной силой заломил руку охранника, заставил его охнуть, опуститься на колени и мордой пропахать по траве, где недавно по своей нужде побывала бездомная какая-то собака.

– Надо быть повежливей со старшими, – сказал «красный тюльпан», попутно проверяя кобуру охранника. – А что же ты пустой такой? Как пробка. Ну, иди, гуляй пока. Тока папке с мамкою не жалуйся. А то я всех вас тут по кочкам разнесу.

Потолкавшись по улицам, Красный Тюльпан – так его позднее окрестили в этом городке – пришёл на берег большой реки. Когда-то оживлённая и словно бы ликующая волнами при свете солнца, река теперь была почти безжизненной – редкая лодка с мотором стрекозой прожужжит по свинцово блестящему стрежню. А про то, чтобы «Заря» тут пролетела на раздутых парусах – ну, то бишь, на подводных крыльях – про это и говорить не приходится.

Свежий ветер накатывал с северо-запада, белые подолы волнам задирал под берегом. Неподальку шумели берёзы, почерневшие от времени – белой кожи на них уже мало осталось. Ребятня шалила возле воды – кораблики пускали, уток пугали.

И вот здесь, на берегу, он встретил какую-то миловидную женщину с тремя детишками мал мала меньше. И женщина эта свою очередь повстречала его – мрачного, жизнью изломанного мужика. И если бы кто-то сказал, что они много лет назад были безумно влюблены друг в друга, что именно он и вот именно ей охапками таскал тюльпаны, воровал из домашней теплицы – этому не поверил бы ни он, ни она. Жизнь большую пропасть между ними вырыла, такую пропасть, которую невозможно ни перепрыгнуть, ни мостом замостить. Пройдя неподалёку друг от друга и ощутив нечто странное, похожее на дуновение внезапного тёплого ветра, они, мимоходом обменявшись ничего не значащими взглядами, разошлись, как в море корабли, которым никогда уже не встретиться. Красный Тюльпан оглянулся на женщину, будто бы что-то припоминая. Но глаза его тут же соскользнули в сторону, туда, где под кустом расположились двое бездомных бродяг.

Из дорожной сумки достав буханку хлеба и бутылку водки – специально прикупил – Красный Тюльпан угостил земляков, посидел на травке рядом с ними, поговорил, послушал их откровения по поводу житухи в городке.

– А Визигиных знали? – поинтересовался Красный Тюльпан.

– Слышал про таких, – ответил тот, что постарше.

– И где они теперь? Не в курсе?

– В курсе. – Бродяга хмыкнул. – Все мы идём этим курсом.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, если ты ещё плеснёшь сто пятьдесят...

Бродяга помолчал, дожидаясь, когда ему наполнят пластмассовый стаканчик. Жадно дербалызнув и едва не зажевав стаканчик, бродяга рассказал печальную историю о том, как здешний рэкет в те незапамятные времена прищучил торговку цветами – тётку хотели заставить проценты платить за торговлю. «Сынки! Побойтесь бога! – изумилась вечная труженица, глядя на сопливых дармоедов. – За что мне вам платить?» А сынки зубоскалят: «За то, что мы тебя не тронем, тётка!» А тут как раз отец на «Жигулях» приехал. Послушал дармоедов и отмахнулся. Он также, как мать, был не в силах понять, почему они должны кормить каких-то здоровых бугаёв.

«Я монтировку возьму, накормлю!» – пообещал Богратионыч. Парни молча удалились, а через день теплицу разбомбили и в дом пришли, стали деньги требовать: «Ты, тётка, на цветах наторговала! Давай делись и не телись! Денег нету, говоришь?

Ну, тогда придётся «Жигули» забрать». И опять Богратионыч перед ними появился. Дал по роже одному, а у второго оказался пистолет – прямо в сердце попал. Искали, говорят, но не нашли. А может, не искали ни черта. Тогда таких историй было городе – по десять штук на дню. После похорон тётка-торговка дом продала и куда-то уехала. Говорили, будто к сестре деревню. Там два года покуковала и померла.

– А кто стрелял? Не знаешь?

Бродяга почесал чертополох на голове.

– Разное болтали...

Красный Тюльпан извлёк из кармана купюру такого достоинства, что у бродяги припухшие глазки полезли наружу.

– Говори, земляк. Только по-честному.

Он выслушал рассказ и молча удалился, чтобы снова открыть свою табакерку. Потом пришёл в гостиницу на берегу, поселился в одноместном номере с видом на реку, на горы. Не спал до утра и всё думал, как он завтра отыщет стрелка и вернёт ему долг – пулю в поганое сердце.

Небеса над городком темнели, тучи нахлобучивались на дальние вершины. Ветер воду в реке выворачивал – серыми поддёрками наружу.

Мимо окон гостиницы, повизгивая сиреной, промчалась карета «скорой помощи», и Красный Тюльпан вдруг подумал, что на этой карете может работать кто-то из друзей его далёкой юности, кто окончил медицинское училище. И он мог бы закончить. И работал бы сейчас на этой «скорой», спасая людей от инфарктов, от аппендицитов, от ножевых ранений в пьяной драке и от прочих внезапных несчастий. А что вместо этого? Что?

Он какое-то время терзался нехорошими мыслями. А затем ухмыльнулся. Да нет, всё нормально. Ведь если задуматься – он погрозил указательным пальцем кому-то незримому, с кем он спорил сейчас – если глубоко задуматься, то можно сказать, что Красный Тюльпан теперь тоже работает на «скорой помощи». Работает санитаром – очищает мир от сволочей. Разве не так?

Размышляя на эту тему, он время от времени доставал заветную табакерку. С вождением глядя на крышку, тиснёную золотом, он сомневался: «А надо ли?» Он понимал, что завтра предстоят серьёзные дела – нужно быть трезвым и твёрдым.

Но ничего с собою поделывать он не мог. У него уже была зависимость – подсел на героин, который помогал забыться, серую действительность раскрасить волшебными красками. Героин превращал его в молодого сильного героя.

Никто не осмелился на такой головокружительный побег, а он – пожалуйста. Он сбежал, да ещё и с собой прихватил кое-что. Это был ценный груз, очень ценный. Вот почему он пошёл не куда-нибудь, а прямо в Кремль. Пошёл, изнемогая от усталости – тяжёлый мешок на плечах. Мешок сочится кровью – продолговатыми сырыми лепестками кровушка лепится на мостовую, на брусчатку Красной площади. Там часовой торчит возле ворот – возле Боровицких, а может, Спасских. Пороху не нюхавший парнишка из Кремлёвской роты похож на оловянного солдата – в белых перчатках, в сияющих на солнце хромочах. «Кто такой? – сурово спрашивает он. – Визигин? Проходи. Там тебя ждут!» И ходок идёт куда-то всё дальше, всё глубже – в святая святых, где заседают земные небожители, принимающие приказы о войне и мире, о голоде и холоде в стране, о счастье и несчастье. И вот, наконец-то, перед ним распахнулась последняя дверь, облепленная золотыми гербами. И ходок, измученный дорогами и тревогами, открывает свой мешок и вытряхивает ношу на стол Правительства. А там, в мешке, сплошные «красные тюльпаны» – отрубленные головы, завернутые в собственную кожу, которую содрали с живых военнопленных. – Смотрите! – кричит он, срывая голос. – Смотрите, что вы натворили! Продажные курвы!

Он просыпается от крика – собственного крика и несколько мгновений не может сообразить, где находится. Затем сознание маленько проясняется – контуры комнаты проступают.

Подушка на столе сугробом возвышается. Метельными клочками на полу валяются обрывки простыни.

«Гостиница? – вспоминает он с трудом. – Или палата?» За окошком розовеет рассвет – в половину неба распускается красным тюльпаном. И всё ярче, ярче, отражая солнце, на столе сияет табакерка с сатанинским зельем.

«Надо выбрасывать эту проклятую табахерку! – думает он, принимая холодный душ. – Иначе можно крикнуть, или я не знаю...»

Да, он знал, что многие из тех, кто воевал, попадают на иглу – дружат с наркотой, пытаются избавиться себя от кошмаров войны, в которой они погибли заживо. Многие из тех, кто воевал, до сих пор похожи на людей; они как будто бы живут, хлеб жуют, а на самом-то деле – ходят покойники, призраки, тени, которые скоро исчезнут при свете встающего солнца.

Хотя бывают в жизни исключения, примеры удивительных исцелений. Жора Подвольский рассказывал.

* * *

Рассказ этот похож на сказку про одного из парней, прошедших через горнило афганской войны. Красный Тюльпан когда-то знал того парня, только давно не видел, даже лицо забыл. Парень этот был – Руслан Алфеев, а поскольку он отлично пел, однополчане его называли Орфеев и даже Орфей. В начале 80-х он попал в Афган и выйти оттуда уже не мог. А точнее так: грешное тело своё он вытащил из Афгана, а душа осталась там и продолжала бесконечные бои. Среди ночи и белого дня бывший солдат опять и опять по тревоге уходил со своим батальоном, чтобы открывать огонь в горах в кишлаках. И опять и опять перед ним трещала виноградная лоза, подрезанная пулей, подкошенная осколком снаряда. А после точных, страшных попаданий артиллерии крыши стены строений заваливались вовнутрь. В такие минуты над кишлаком повисала – как большая сухая тряпка – сплошная пелена из дыма, пыли, не дававшая продохнуть. Это была кошмарная работа миномётчиков и артиллеристов. А потом, как стая чёрных воронов, на кишлаки налетала авиация – бомбила так, что чёрные фонтаны песка доставали, кажется, до крыльев бомбардировщика. А после этого за работу принимались солдаты – травили на пути своём колодцы и уничтожали всё то, что можно было.

Вот в таких «боях» Руслан Алфеев жил, наверное, лет десять, двенадцать. Он подсел на герои и долго не мог избавиться от наркотической зависимости. Несколько раз он пробовал бросить, но не выдерживал кошмарную ломку – опять начинал.

И вырваться из этого круга уже не представлялось возможным. «Только разве что пулю пустить себе в лоб? – думал бедняга. – Или в петлю засунуть дурную голову?»

И вот приезжает к нему Жора Подвольский, однополчанин Руслана. Приехал, посмотрел на бедолагу, зубами заскрипел.

– Орфей спускается в ад! – Подвольский выругался. – Ну, так что, Русланчик? Подышать собрался? Или как?

Алфеев посмотрел ему в глаза.

– А что прикажешь, командир?

– Да есть одна идея.

Они посидели, поговорили. Потом сгоняли с магазин, набрали водки чёрт знает, сколько – весь багажник в такси завалили бутылками, закусками.

– Праздник, что ли? – весело поинтересовался водитель. – Похороны, – сказал Руслан, мрачней. – Орфей спускается в ад.

Таксист не понял юмора и потому предпочёл всю дорогу помалкивать, изредка поглядывая на мрачные, «похоронные» физиономии пассажиров. Машина прикатила на скалистый берег рукотворного моря, слегка штормящего.

Водку с закусками боевые товарищи перегрузили в моторку погнали по белогривому, взволнованному водохранилищу – куда-то в самый дальний, самый глухой уголок, где стояла бревенчатая избушка, года три назад построенная Русланом, любителем рыбалки и охоты.

Они перетаскали водку и закуску – что-то в избу, а что-то под навес.

– Ну, всё, Орфей! Держись! Теперь тут можно песни петь до посинения! – Подвольский обнял его. – Встретимся дней через десять.

– ЕБЖ, – усмехнулся Руслан. – Если буду жив. Так Лев Толстой любил писать в дневнике.

– Отставить ЕБЖ! Всё будет путём, братан! До встречи!

Моторка, освобождённая от груза, проворно ушла, высоко задравши нос, – как будто на подводных крыльях улетела.

Больше недели прошло. И всё это время ветер с дождём шатался по окрестным горам, по тайге. Рукотворное море бесилось – белая пена шматками шипела под берегом, шапками на камни набекренивалась. Низкое небо ташилось над перевалами, оставляя ключья мокрой шерсти на скалах, на деревьях. А вслед за этим – как по заказу – стеклянным штилем застеклило всё водохранилище. Солнце вышло из-за туч – солнечные зайцы наперегонки побежали по тайге, по берегам.

Подвольский на моторной лодке возвратился к избе. Картина, которую увидел он, была ужасная, но ничего другого Жора здесь увидеть и не предполагал: кругом избы валялись разнокалиберные, пустые бутылки, блестели, как отстрелянные гильзы вокруг батареи, возле которой когда-то бойцы приплясывали в раскалённых песках Афганистана.

Водка – зло, только наркотик – зло куда страшнее. Вот пришлось клин клином вышибать: нужно было уйти в продолжительный, глухой запой, чтобы избавиться от наркотической зависимости. Дело, конечно, рискованное, только выбирать не приходилось.

В дымину пьяного Орфея привезли домой, пивком стали отпаивать, потом он сходил в русскую баню, перешёл на квас, на чай, и через несколько дней поутру появился в горнице – как заново рождённый.

– Всё, командир! – твёрдо сказал. – Будем жить!

Много лет с той поры миновало. Руслан женился, дом построил и теперь воспитывает пару синеглазых ангелочков.

* * *

Жизнеутверждающую эту сказку Красный Тюльпан всё чаще вспоминал. И всё крепче становилось в нём желание такую же сказку сочинить для себя.

После кошмарного плена и рабства умишка у него поубавилось – вытрясли черти и выбили, но всё-таки ума хватило, чтобы понять, что он не Бог и не может людей карать.

«Я со своей прошлой жизнью расквитался! – сказал он себе. – Теперь нужно думать о будущем!»

Он мечтал уехать куда-нибудь подальше. Он знал, что в мире существует одна-единственная страна, в которой есть Министерство Счастья. Эта страна – Королевство Бутан.

Где-то в Гималаях находится она, где-то между Индией и Китаем. В этом Королевстве леса не вырубаются и не продаются по дешевке – не то, что в России. Там леса высаживаются, там охота запрещена, там никто не воюет ни с кем.

«Вот куда уехать бы и работать там министром счастья!» – мечтал Красный Тюльпан. Но уехал он недалеко – за два перевала от своего родного патриархального городка.

Летом, побродяжив по тайге, он присмотрел очаровательное место, добротную избу отгрохал на пригорке – через открытую дверь и в окно глядят голубые предгорья, пахнет мятой, земляникой, чабрецом, река на перекате с боку на бок шумно перекатывается. Красота. Покой. Под вечер сядешь на крыльцо, прислушаешься – мать моя родная, ну, до чего же тихо. Тихо так, что даже слышно, как муравей по своей дорожке топает – муравьиная горка на старом пенёчке под окном.

В соседней деревне Красный Тюльпан нашёл себе красную дивчину – готовилась родить ему наследника. Вот как раз для них – для молодой жены и для дитёнка – он построил хоро-

мину. И даже деревья для них посадил – черёмуху, калину притащил из тайги для красоты и для ягод. В закромах у него имелось кое-какое оружие с боеприпасами, но Красный Тюльпан дал себе зарок ничего живого не истреблять. «Вот мы говорим: здоровый, как бык! – думал он. – А бык, он ведь питается только травой!»

Исходя из этого, Красный Тюльпан стал искать по тайге съедобные травы, грибы и ягоды. А потом увлёкся – или что-то в голову вступило – начал за такими корнями охотиться, с помощью которых надеялся приготовить эликсир вечной жизни, или, по крайней мере, прожить ещё годочков сто, воспитать детей, увидеть внуков.

Он теперь с надеждой и великой радостью думал о будущем.

В это время прошлое, как нельзя некстати, догнало его – прошлое всегда нас догоняет, кого-то раньше, кого-то позже.

Случилось это в середине лета. После полночной грозы Красный Тюльпан ощутил неясную тревогу – сердце во сне вдруг защемило, припало тревогой. Он проснулся и долго лежал в тёплой горнице, глядел в окно, где звёздочка подрагивала. А потом ему стали мерещиться какие-то шорохи, тени под луной по берегу переползали...

«Нервишки!» – хотел он себя успокоить, но глубинное чувство тревоги не отпускало душу. И неспроста.

Туманным утром бойцы областного «ОМОНа» окружили новую избу, стоящую на поляне среди сосняков. Окружили его, обложили как волка. И в тишине кто-то властным голосом закричал в мегафон – предложили сдаваться и выходить поднятыми руками. В мегафон кричали для порядку, никто и не думал, что он будет сдаваться.

И вдруг он вышел на крыльцо и дальше, на поляну. Вышел, зажимая в руках две гранаты над головой.

Ему в ту минуту стало жалко до слёз новую добротную избу, своими руками построенную. Жалко, если взорвут или спалят. А так – если он примет бой в горах или в тайге – изба останется. Человек ведь должен после себя оставить дерево, сына и дом. Деревьев он достаточно тут посадил. Сынок скоро будет, подруга сказала. А дом уже есть – заходи и живи.

Охотник с беркутом

Богиня Флора и богиня Фауна – друг напротив друга – эти изваяния давненько забронзовели на институтском дворе. И всякий раз, когда весна входила в город – у богини Флоры зацветал бронзовый венок на голове, в руках распускались цветы, а под ногами травка изумрудилась. И богиня Фауна, покровительница животных, богиня лесов и полей, каждую весну преображалась – бронзовые птицы, дикое зверьё оживали вокруг. Невероятно? Да, так не бывает. Но именно так своим студентам говорил седовласый профессор столичного института.

– Печально, дорогие мои, то, что с каждой весной в руках у Флоры всё меньше цветов, – кручинился профессор. – А в окружении Фауны все меньше птиц, животных и зверья.

– Так ведь они же бронзовые, – с галёрки подсказал Василий Крутояров. – Цветной металл теперь в большой цене. Пушкина уже с Тверского спёрли!

Аудитория захохотала. Профессор переждал этот весёлый взрыв.

– Пушкина увезли на реставрацию. – Профессор поправил очки. – Хотя такие времена, что и сопрут. «Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал», как поётся в опере «Фауст».

Вот почему я за наших богинь беспокоюсь.

– Охрану выставить пора, – опять с галёрки загудел Василий Крутояров, которого однокурсники прозвали – Асилий потому, что у него любимое словцо: «Осилим!».

Профессор хотел что-то сказать, но передумал.

– Не будем отвлекаться, дорогие мои. Сейчас за окнами весна, а летом у вас будет практика. И разъедетесь вы, разлетитесь по разным уголкам нашего великого Отечества. И практика ваша, увы, будет связана с печальным пополнением Красной Книги, а может быть, даже и Чёрной...

– А кто куда поедет? – вразнобой заговорила аудитория. – А можно самому местечко выбрать? Да ну и что, что трудно, мы это дело осилим!

Занятия после полудня закончились, студенты разбрелись кто куда – весна манила на вольный воздух. В садах и парках молодой листвой шелестели берёзы, липы и дубы, на клумбах живыми огоньками загорались гвоздики, тюльпаны. По утрам, когда ещё относительно тихо, воздух позванивал голосами синиц, поползней, зябликов. И всё-таки весна в Москве какая-то не настоящая, не полнокровная, со всех сторон зажата асфальтом, железобетоном. Даже птицы здесь казались не настоящими – голуби, синицы и воробьи безбоязненно принимали подачку с ладони. А птица дикая, она ведь не только пугливая, она ещё и гордая, не будет пресмыкаться. Так, по крайней мере, думал Крутояров, двадцатилетний студент Асилий, москвич по рождению, но по группе крови – сибиряк.

Отец Крутоярова, родившийся под Новосибирском, лет двадцать пять назад приехал покорять столицу, но получилось как-то так, что покорила одну только москвичку, женился на ней и вскоре забыл о своей возвышенной мечте стать актёром, сниматься в кино – этого добра тут и без него хватает, ребятишек надо воспитывать. А ребятишек трое – сын Василий дочери, Флора и Фауна. Нет, на самом-то деле их звали Лора Фаина – это брат переименовал после того, как поступил в институт. А переименовал он не просто так. Одна сестрёнка без ума, без памяти любила живность, а другая цветочными горшками заставила все подоконники и даже на полу горшки стояли – скоро будет некуда ступить.

Дома студент похвалился перед сестричками, сказал, что летняя практика у него будет на Марсе, потому что там уже яблони цветут. Сестрички захихикали:

– Как добираться будешь до Марса?

– Ничего, осилим! – заверил брат, подмигивая.

* * *

Лето в европейской части разгулялось краснопогожее, а дальше, особенно за Уралом, через день да каждый день перепадали дожди, ливни с грозами, но парню это нравилось – любо-дорого смотреть из окна пассажирского вагона, как бешено хлещутся молнии где-то на вольном безбрежном просторе. А кроме этого, нравилось ему встречать и провожать незнакомых людей, попутчиков, разговаривать с ними о том, о сём. Хотя случались и огорчения. Однажды, когда поезд поехал по сухому простору, студент вечером увидел закатное зарево, только не на западе, а на востоке – горел сосновый бор, мимо которого поезд промчался минут через двадцать. Картина открывалась – тихий ужас. Удручали не только лесные или степные пожары. Огорчали охотники, попадавшие на станциях и полустанках – у кого-то ружьё за спиной, у кого-то в руках убитая зверушка или утка. И снова, и снова студенту вспоминались слова профессора о том, что современный мир жесток и на этот счёт не стоит обольщаться; по данным ЮНЕСКО на нашей планете каждую неделю исчезает один какой-нибудь вид цветов и растений; даже если эти данные завышены – утешиться нечем. «Красная книга» и «Чёрная книга» год за годом распухают, пополняясь навсегда исчезнувшими цветами и травами, зверями и птицами; вековечный механизм природы неумолимо ломается в руках человека...

Крутояров почти трое суток колотился на поезде, добирался к месту летней практики. А потом подсунули ему кусок летающей фанеры – так он пошутил, когда увидел старенький Ан-2. – Я студент института богини Флоры и богини Фауны, – улыбаясь, объяснил он лётчикам, – а вы мне что предлагаете?

Кусок фанеры?

Однако лётчики попались ушлые.

Командир в потёртой курточке совершенно серьёзно ответил:

– Парень, да ты что? Очки оставил дома? Если ты сюда приехал из института богини, мы тебя не можем катать на кукурузнике. Только на сверхзвуковом и сверхкомфортабельном лайнере. Просекаешь?

Вот такое весёлое было знакомство в провинциальном аэропорту. Потом взлетели под облака – над Горным Алтаем текла чёрно-лиловая предгрозовая облачность, и лётчики хотели побыстрее прорваться в синие дыры, сквозившие над перевалами. В эти дыры время от времени задувало так, что «кусок фанеры» начинал крениться и крыльями помахивать, старался поймать равновесие, и тогда под сердцем становилось жарко от молниеносного невольного испуга. Но это занимало какие-то секунды, а затем Крутояров опять с улыбкой смотрел и смотрел в иллюминатор – любовался вечными снегами, серебряными шапками громадных ледников, откуда раскручивались нитки многих здешних рек. Вон там, над облаками, кажется, Белуха взгромоздилась. Оттуда начинается Катунь, белая, молочная, бешено бежит она в кисельных берегах, чтобы в предгорьях встретить Бию, обнимутся они, сольются за островом Иконникова и родится великая Обь, и где-то там, если проплыть вниз по течению, на высоком обском берегу стоит село Крутоярово, родина отца, прародина Василия. Хорошо бы туда заглянуть. Но это потом, после практики...

Благополучно прилетев на место, лётчики оставили студента-практиканта на поляне возле реки, где стояла юрта скотогона. Командир в потёртой курточке показал на юрту и усмехнулся.

– Там богиня Фауна живёт, оберегает здешние стада.

Передавай привет ей. Тебе тут куковать денёчка три-четыре. Не заскучаешь?

– Нормально, – успокоил студент, – мы это дело осилим. «Сверхзвуковой и сверхкомфортабельный лайнер», треща мотором и вздымая скирды пыли, разбежался на поляне, стре-

козлом подпрыгнул на зелёной кочке и взлетел по-над рекой, чтобы через минуту-другую раствориться над верблюдскими горбами перевала.

Стало тихо так, что у студента стрелочка затикала на циферблате ручных часов – крохотная, секундная стрелочка, похожая на соринку, попавшую в часовой механизм.

«Вот это да! – изумился парень, оглядывая местность. – Тишина такая, как в первый день творения...»

Местечко это находилось на подступах к Монгольскому Алтаю, где размах просторов поражает высотой, красотой и величием. Горы здесь кажутся не рождёнными из-под земли – они словно с неба спустились, да и то не совсем; горная гряда, подрезанная призрачною дымкой, едва-едва касается земли, подрагивая в воздухе, словно собираясь дальше двигаться. Залюбовавшись первозданною картиной, Крутойров невольно вздрогнул, услышав нарастающий грохот камнепада – так показалось.

По каменистой равнине – со стороны реки – галопом неся верховой, державший на руке крупную птицу, которая изредка взмахивала крыльями, словно порывалась улететь, но почему-то не летала.

* * *

Соколиную охоту на Руси – на всех необъятных просторах – воспевают и прославляют древние наши предания, былины и сказания. Отмеченная царскими указами, запечатлёнными в летописях, эта охота неспроста слывёт как царская. Соколы, ястребы, кречеты, сапсаны, балабаны, копчики – всё это имена царских любимчиков, которые жили в так называемых дворцовых сёлах. И совсем не случайно орёл – как символ царской власти – «влетел» однажды в нашу российскую геральдику.

Крутойров кое-что читал об этом, но никогда ещё не видел ни одного человека, которого издревле называют беркутчи – охотник с беркутом. Давным-давно когда-то беркутчи был неотделим от пейзажа казахстанского, горно-алтайского – и от пейзажа, и от культуры. А теперь такой охотник с беркутом почти экзотика – по пальцам можно пересчитать. Настоящий беркутчи – основательный, серьёзный человек, прирождённый следопыт и великолепный всадник, сутками в седле может сидеть, как впаянный.

Вот с одним из таких колоритных беркутчи Крутойров познакомился на подступах к Монгольскому Алтаю. Ульгень – так называли пожилого алтайца. А молодой студент стал его звать Ульгений – «многомудрый человек, а местами даже гениальный», так позднее шутил практикант. За время их короткого знакомства Ульгений помог студенту разобраться в ключевых вопросах, касающихся жизни.

Хорошо запомнился зеленовато-синий, тёплый вечер, опустившийся на каменные плечи Монгольского Алтая. Запомнилась первозданная, загустелая тишина, сквозь которую серебряной флейтой звенел в камнях струящийся ручей, а над ним распухала нежная подушка белеватого-сизого тумана.

Они сидели у костра возле юрты, беседуя с такой неторопливостью, будто им жить и жить на этом белом свете лет по сто, сто пятьдесят – жить без горя, без суеты. Неторопливость эта – врождённая черта Ульгения, а студент-практикант только старался ему подражать, постоянно сбиваясь на свою врождённую горячность.

– А это что? А это как называется? – с жадным любопытством расспрашивал он.

В руках Ульгения говяжья печень – на деревянном блюде подаётся, чтобы этот барин, гордый беркут, клюв не поранил.

Подкармливая хищника с «алмазными» глазами, Ульгений вполголоса напевал какую-то протяжную песню – традиционную алтайскую песню в честь беркута.

Надо сказать, у этого Ульгения вся жизнь вертелась вокруг да около вот такой воинственной, кровожадной царь-птицы, глядя на которую студент не то, чтоб испытывал робость, но и восторга особого не было. Красивый чёрт, конечно, тут не поспоришь, только всё-таки хищник – хладнокровный, словно бессердечный истребитель.

– И сколько у вас их было, таких истребителей? – интересовался Крутойяров.

– Не много. – Ульгений пальцем провёл по кривому, чуть заметному шраму, белеющему на смуглой скуле. Потом посмотрел на рослого чёрного коня, стригущего траву неподалёку. – Хорошая птица и быстрая лошадь с давних пор очень дорого стоили. Да и теперь в цене, однако. И хозяину почёт.

Крутойяров посмотрел на чёрного трёхсоткилограммового рысака с белой звездой во лбу, затем на беркута – чуть больше килограмма весу.

– Я не могу сравнить две таких весовых категории, да к тому же сравнить – в пользу беркута.

– Как тебя звать, говоришь? Асилий? – Алтаец губами почмокал. – Ты молодой, Асилий, ты не знаешь того, что хорошая птица перевесит коня.

– А машину? – с улыбкой спросил студент.

– Смотря какую, – серьёзно отвечал беркутчи. – Может, и машину перевесить.

– Ну, это уж вы погибаете.

– Кого? Не понял Ульгений. – Кого погибаю?

Улыбаясь, Крутойяров подошёл поближе, посмотрел в ледяные, пронзительные глаза истребителя – в них отражается пламя костра и поэтому взор представляется жутковато-кровожадным.

– А можно подержать его?

– Попробуй, Асилий. Только я сначала кlobук надену. – Чего? Каблук?

Ульгений посмеивался – белизна зубов ярко выделялась на фоне смолистых усов. Он взял аккуратно пошитый из кожи тёмно-шафрановый кlobук – эдакую шапку-невидимку – ловким движением нахлобучил на голову беркута. – И тебе, Асилий, и ему спокойней.

– Не знаю, как ему, а мне так точно, – сказал студент. – Ну, а теперь-то можно взять?

– Голыми руками? – Ульгений усмехнулся.

– Ну, а как ещё?

– Вот так... – Беркутчи протянул ему кожаную длинную и грубую перчатку с тремя «богатырскими» пальцами. – Держи. Только, смотри, не урони.

– Ничего, осилим! – Студент неожиданно развеселился. – Деникин было взял Воронеж – дяденька, брось, а то уронишь!

Беркутчи посмотрел с недоумением.

– Ворона? – Алтаец едва не обиделся. – Да это у меня такая птица, каких ты, может, никогда и не увидишь!

Студент хотел сказать, что его превратно поняли, но сказать не успел. Кривые когти хищника – железоподобные, цепкие – иголками вонзились в руку в районе локтя. Студенту показалось, будто когти прокололи перчатку, и в рукаве стало не только жарко, но даже будто бы сыро – от крови.

– Ого-о... – Он закрипел зубами. – Силён, бродяга.

– А ты как думал? – Ульгений доволен, словно дитя. – Вот тебе и ворона!

– Да причём тут ворона? Я про неё даже не заикался. Крутойяров улыбался через силу: приходилось терпеть, напрягаться. Вот теперь он самолично убедился, что охота с беркутом требует немало силы и ловкости – попробуй удержать такого дьявола на весу, на руке во время быстрой верховой езды. Но, может быть, в первую очередь – кроме силы и ловкости – эта охота требует безоглядной смелости.

Беркутчи – до того, как беркут станет «шелковым» – зачастую серьёзно страдает от хищника, который обычно берётся из дикой природы, как только научится летать.

Ревниво наблюдая за студентом и за беркутом, Ульгений заявил:

– Хватит. Всё. Хорошего помножку. – Понемножку, вы хотели сказать?

– Вот я и говорю, давай сюда! – Беркутчи ловко забрал своего любимого питомца, ушёл и спрятал в юрте, в клетке из чистого золота – так он сам нешуточно изрёк. – В железной клетке такая птица жить не может. Помирает.

– А почему? – От гордости.

– Это как понять?

– Ну, как? – Ульгений затылок поцарапал, не зная, как получше растолковать. – Ты возьми царя, к примеру, да посади коровник, вот он и помрёт. От гордости. От скуки. Попытавшись представить царя в коровнике, студент засмеялся и ни к селу, ни к городу сказал:

– Мы это дело осилим.

А в горах, между тем, потемнело – седловины среди перевалов заварило чёрно-синим варом. Венера – звезда пастухов – засеребрилась над Монгольским Алтаем. В воздухе запахло ароматной сыростью – крупная роса крошилась на траву, на цветы и кусты. Ночная какая-то птица начинала голос подавать – сиротливый, тихий и словно бы знакомый, родной до боли. Послушаешь эту певунью, и так тебе захочется отыскать её, такую одинокую, такую нежную – тихохонько прижать к своей груди, согреть своим дыханием, согреть теплом ладоней.

– Расскажите, Ульгений, – попросил Крутояров, задевая любимую струнку в душе беркутчи, – как вы это дело начинали, какие трудности, какие испытания пришлось пройти?

Несколько наивные вопросы и просьбы студента ублажали сердце кочевника – это было заметно. Только он не торопился отвечать – характер выдерживал. Он достал курительную трубку, окованную медным ободком. Табаком не спеша зарядил – крошки сыпались на брюки с кожаными заплатками на коленях. Потом Ульгений лёг на толстую кошму, постеленную возле костра. Смакуя трубку, глядя на огонь, беркутчи гортанным голосом повествовал:

– Сначала, значит, мы эту птицу учим сидеть на руке, а потом чтоб на голос хозяина откликалась...

– То есть, как – откликалась? Он что, умеет говорить, ваш беркут?

– А как же! – Ульгений усмехнулся. – Если попугай умеет говорить, так отчего же беркут не научится? – Вы шутите?

– А ты? Неужели всерьёз?

– Нет. – Студент смутился. – Это я так...

Прищуривая чёрные щёлочки-глаза, Ульгений снова трубку смаковал, чмокал, словно целуя.

Парень приподнялся над костром, чтобы лучше видеть и попросил продолжить рассказ о беркутах.

Вынимая трубку изо рта, Ульгений растянул широкую улыбку и произнес нечто неожиданное:

– Сначала ты мало-мало учишь птицу, а потом бывает так, что птица человека учит уму-разуму. Так, по крайней мере, со мной случилось. Самый первый беркут мне глаза открыл на божий мир.

– Это как же так?

И опять степенный Ульгений замолчал. Отложивши трубку, над которой кудрявился голубоватый дымок, беркутчи поднялся. Посмотрел на коня, щиплющего травку около ручья. Посмотрел на Венеру – она уже стала большою, как белый цветок, распустившийся в чёрном безбрежном омуте.

– Дождь, однако, будет, – предположил беркутчи, глядя на северо-запад, откуда наплывали тучи, рваным пологом закрывающие остатки зари. – А может, мимо пронесёт.

– Дождь – это плохо. Самолёт не прилетит.

– Это не страшно, Асилий. Пойдёшь вон туда, в сторону Чуйского тракта. Доедешь до Ташанты.

– До тошноты? – скаламбурил студент. – А там-то что? – В Ташанте пограничник, помогут.

Парень посмотрел на остатки розоватых бликов, угасающих на самой огромной далёкой вершине.

– Метеостанция Бертек, – задумчиво сказал. – Вы не знаете?

– Как не знать? Бертек, Джазатор, Уландрык. Я там бывал, когда молодой. А что? Почему говоришь?

– Мой дядька на Бертеке работал радистом. Хотелось бы там побывать.

– Захочешь, так побудешь. Самолёт пускай летит, а ты живи, Асилий. Твой дом – моя юрта. Скоро придут монголы, мои друзья, с ними можно до Бертека верхом на лошади.

Ульгений ушёл в темноту и через минуту вернулся, сухие кизяки подложил в костёр – цветок увядавшего пламени оживился, высоко и широко распуская золотисто-голубые лепестки, искрящиеся на концах...

– Ну, так что? – напомнил Крутояров. – Как же это беркут вам глаза открыл на божий мир?

– О! – Ульгений покачал головой. – Так открыл, что теперь не закроются!

– Заинтриговали. Я просто горю от нетерпения – как вот эти кизяки в костре.

Улыбка Ульгения – это улыбка самой природы, столько в ней чистоты, доброты и бесхитростности. А следом за этой улыбкой послышался глубокий вздох Ульгения – словно глубокий, грустный вздох мимолётного ветра, потрепавшего кудри костра.

Открытие Ульгения заключалось в том, что беркут, сильный хищник, способный брать лису, косулю, джейрана и даже волка – вдруг однажды так оплошал, так опозорился, что молодой, неопытный беркутчи ахнул, заливаясь красками стыда.

Беркутчи в то утро зайца увидел в зелёной долине, снял кожаную шапку-невидимку – клобук – с головы истребителя и тихонько подтолкнул его, подбросил над собой. Могучими крыльями подминая под себя воздушные потоки, беркут быстро поднялся, увидел убегающего зайца – он может заметить его за два километра! – и начал пикировать. А зрелище такое дорожного стоит – для тех, кто понимает толк в этой царской охоте. Беркут работает чётко, страшно красиво и так молниеносно – глазом моргнуть не успеешь, как он уже добычу оседлал и начинает кривым своим клювом долбить по печени, только шерсть клочками летит кругом. А тут закавыка случилась. Беркут спикировал на зайца, когти выпустил, чтобы зацапать. Ан да нет! Не цапнул! Заяц так подпрыгнул, такую свечку зафитилил, точно его пружинами с земли подбросили. Бедный беркут чуть мордой об землю не хряпнулся. Вот оплошал, так оплошал. Расправив крылья, он опять в зенит пошёл – долина широкая, заяц не успевал добежать до ближайших кустов. Заяц был как будто обречён. Но беркут снова без толку спикировал – снова чуть об землю не ударился...

– А что такое? Почему? – удивился студент. – Может быть, у зайца было восемь ног? Помните, как это в приключениях барона Мюнхгаузена? У него там заяц восьминогий – никакая собака догнать не могла.

Ульгений пососал пустую трубку. Пожал плечами. – Какой барон? Какие восемь ног? Что ты, Асилий? – Извините. Ну, а почему же беркут оплошал?

– Загадка, – помолчав, продолжал беркутчи. – Долго я не мог эту загадку разгадать. Только с годами понял одну простую штуку. Нет, не простую, а золотую. В каждом виде животных и птиц были, есть и будут такие очень крепкие, редкие ребята, которых я назвал бы «неподающимися» или «не берущимися». Их бесполезно брать – ни ружью, ни беркуту эти ребята не поддаются. Такими их природа сотворила для того, чтобы они продолжали свой род на земле.

Практикант был поражён и потрясён этой историей. Он подскочил и неуклюже обнял рассказчика.

– Ульгений! Вы меня обрадовали! Вот не ожидал! Вот уж воистину, не знаешь, где найдёшь, где потеряешь...

– А кого? – удивился беркутчи. – Ты что потерял?

– Нет, я нашёл! Нашёл! – заверил Крутояров. – Вы слышали о Красной книге? Или о Чёрной?

– Букварь? Читал, курил сигарки из него, – то ли в шутку, то ли всерьёз ответил Ульгений, поднимаясь. – Ужинать будем, однако.

Баранина с кониной к этому времени подоспели – закопчённое ведро стояло на траве около костра. Ульгений принёс араку – самодельную молочную водочку, кислый сыр – курут, тоже приготовленный из молока.

Поднимая пиалу, расписанную яркими алтайскими узорами, студент провозгласил совершенно искренне, хотя немного высокопарно:

– Спасибо, Ульгений! Спасибо! Вы меня сегодня осчастливили. Да, да. Осчастливили, можно сказать, на всю мою оставшуюся жизнь! Вы подарили мне надежду на то, что всё живое на Земле будет жить и процветать. Так распорядилась матушка-природа. И это здорово. Давайте-ка, Ульгений, мы выпьем за не поддающихся! За тех, кому не страшен ни беркут, ни ружьё!

* * *

Всю ночь горели звёзды в чистом небе над горами – тучи просквозили стороной, гранитным громом погромыхали где-то за перевалами.

Утро занималось тёплое, погожее. Ульгений со своей многочисленной отарой на заре ушёл «за травой». А студент-практикант, умывшись в реке, залюбовался рассветными красками, свежо и трепетно играющими в небесах, на горах. В Москве, в Третьяковке ему казалось: Рерих слишком яркие тона придумал на картинах Горного Алтая. И только теперь понимал он – всё было с натуры написано, с такой натуры, аж сердце от восторга ломит. Потом он какое-то время сидел у костра, чаёк попивал в ожидании самолёта. Глядя в золотые россыпи раскалённых углей, парень улыбался, размышляя о вчерашнем открытии, которое он сделал с помощью Ульгения.

С таким открытием жить можно смело. Надеяться можно верить, что богиня Флора и богиня Фауна не осиротеют. А потом – часа через два, когда солнце спалило светло-синий каракуль туманов – трескучий, легенький аэроплан приземлился на поляне у реки и тут же взлетел над зелёной долиной, над снежными вершинами Монгольского Алтая, где воздух поражает чистотой и где размах космических просторов изумляет первородной красотой и величием.

Босиком по красному вину

Зимнее утро, крещенский мороз прижимает – заминусило под сорок три. В такую пору дома хорошо сидеть возле окна, чаёк хлебать, а лучше винцом или водочкой душу согревать, как это делает старик Порфирьевич. Хотя он, в общем-то, и не старик, он просто сильно измучился, и душой телом исстрадался по поводу того, что происходит в родной стране – развал и раздраз. Когда Порфирьевичу становится неважно страдать в одиночестве, он звонит соседу Лапикову, тот приходит, если не занят. Доктор, а точнее, фельдшер Лапиков больше известен как Эскулапиков. В последнее время Эскулапиков занимается прерыванием запоев на дому – «частный бизнес на людском несчастье», так говорит Порфирьевич.

Суровым глазом профессионала фельдшер поглядит на стол, под стол и неодобрительно заметит:

– Доиграешься с винцом и водочкой. Придётся делать бизнес и на твоём несчастье.

– Боже упаси! – Порфирьевич крестится и не очень уверенно заверяет, что завтра же в баньку рванёт, выпарится, потом найдёт забытую дорогу в церковь и перед иконой под названием «Неупиваемая чаша» даст клятвенный зарок не брать хмельного в рот на всю свою оставшуюся жизнь, а это значит, месяца на три-четыре, от силы на полгода. Совсем остановиться Порфирьевич, наверное, не может или не хочет. «Алкоголизм! Хоть слово дико, но мне ласкает слух оно! – вот так Порфирьевич недавно умудрился перефразировать Соловьёва, лирика серебряного века, у которого написано: «Панмонголизм – хоть слово дико, но мне ласкает слух оно...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.